

АРХИТЕКТУРА

С · С · С · Р

ВЫПУСК

15

СБОРНИКИ СОЮЗА СОВЕТСКИХ АРХИТЕКТОРОВ

1 · 9 · 4 · 7

АРХИТЕКТУРА С · С · С · Р

СБОРНИК 15

МОСКВА 1947

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ ОСНОВА СОВЕТСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Одним из важнейших качественных отличий советской архитектуры от архитектуры прошлого и от архитектуры современного Запада является ведущая роль градостроительного начала во всех отраслях архитектурной деятельности. Советский архитектор — это, прежде всего, строитель города. Город как целое, его интересы, его архитектурные проблемы решительно преобладают в советской архитектурной практике над всеми другими, более частными проблемами.

Каждое сооружение, в условиях нашего хозяйства, нашего строительства, должно рассматриваться и трактоваться не как самодовлеющая, замкнутая в себе единица, а, прежде всего, как клеточка обширного и сложного организма, имя которому — город. Это не означает ни в какой мере снижения архитектурной значимости отдельного дома как объекта архитектурного творчества. Это не означает также, что отдельное здание в какой-либо степени теряет свои индивидуальные качества, обезличивается, растворяется в городской застройке. Но, сохраняя за каждым отдельным зданием присущее ему значение цельного и законченного архитектурного объекта, советская архитектура в то же время подчиняет этот отдельный объект более высокому и совершенному организму — городу, его планировке, его внутреннему строению, его композиционным требованиям и особенностям, его архитектурным, хозяйственным, бытовым интересам.

Это положение вытекает из самого факта планового, социалистического хозяйства, из самой природы социалистических общественных отношений в нашей стране.

Обусловленность каждого отдельного сооружения градостроительным планом не должна пониматься в нашей практике только с внешней стороны — с точки зрения соответствия тех или иных строительных признаков данного сооружения требованиям и нормам городской планировки — «красным линиям», строительному зонированию, этажности и т. д. Между тем, связь отдельного здания с улицей, площадью, кварталом, наконец, с городом отнюдь не ограничивается внешней «привязкой» отдельного здания к окружающему ансамблю. Речь должна идти о гораздо более глубоком и всестороннем проникновении градостроительного начала во

все стадии и отрасли архитектурной деятельности. Разработка этой основной проблемы нашего архитектурного творчества приобретает в настоящее время тем большее значение, что в капиталистическом мире мы наблюдаем глубокий кризис градостроительства, перерастающий в кризис самой идеи современного города.

Не случайно за последние годы — и накануне войны и в самое последнее время — в различных странах Запада появились целые труды, памфлеты и исследования, посвященные одной и той же теме — кризису капиталистического города. Незадолго до войны известный американский архитектор Франк Ллойд Райт выпустил книгу под симптоматичным названием — «Безнадежный город». В Америке же в 1942 году появилась большая работа, написанная в форме научного исследования, под несколько необычным, но столь же показательным заголовком: «Могут ли выжить наши города?» Автором этого исследования-памфлета является известный испанский архитектор Люис Серт, эмигрировавший в США. Выдающийся финский архитектор, также проживающий в Америке, Элиель Сааринен опубликовал труд под названием «Город, его развитие, его упадок, его будущее», в котором судьба современного города характеризуется в весьма пессимистических тонах. В зарубежной литературе мы также встречаем значительное количество проектов, вращающихся вокруг одной темы — тупика, в который зашло капиталистическое градостроительство. Публикуются бесчисленные проекты, предлагающие тот или иной способ «исцеления» города от его нынешних пороков. Пути этого исцеления иные видят в создании «кооперативных» кварталов (план застройки «соседских кварталов», усердно разрабатываемый английскими планировщиками, в частности так называемый «план Рейли»). Другие предлагают частичную национализацию земельных участков в городе. Третьи (а их большинство) видят выход из положения в дезурбанизации, путем отпочкования отдельных городов-сателлитов, загородных поселков и т. д.

Легко видеть, что почти все эти проекты представляют собой или маниловщину, — наивную, подсахаренную утопию, или хорошо знакомую социал-реформистскую демагогию. Но показательное,

что во всех проектах неизменно ставится под сомнение дальнейшее существование и прогресс города, как определенного типа человеческого обществения.

Наша постановка проблемы города, в корне отличается от этих, в конечном счете пессимистических, упадочных воззрений.

Товарищ Сталин дал в свое время классически ясное обоснование необходимости города, указав, что город является наиболее экономной формой человеческого расселения. Этим был дан ответ всевозможным дезурбанистическим теориям и проектам, и отсюда же были сделаны важнейшие выводы о направлении социалистической реконструкции городов в СССР, их коренной перестройки и дальнейшего социалистического развития.

Послевоенное восстановление городов и их реконструкция создали условия, еще более повышающие значение градостроительного начала в советской архитектурной деятельности. Новые проблемы, связанные с планировкой и застройкой городов, встали перед архитектором. Разрушенные города не просто восстанавливаются, но и обновляются; в них, наряду с развитием давних, устоявшихся традиций, значительнейшую роль играют совершенно новые элементы городского плана, — не только отдельные сооружения, но и новые методы застройки города в целом. В архитектурно-планировочном отношении послевоенная реконструкция городов особенно отчетливо выдвинула ряд больших принципиальных проблем.

Такова, в частности, проблема архитектурно-планировочного центра города. В противовес многим новейшим градостроительным теориям за рубежом, совершенно игнорировавшим архитектурное значение центральных городских комплексов, советская архитектурная мысль придает этой проблеме принципиально новое и глубокое значение. Современный город, вопреки многочисленным ультрасовременным концепциям вовсе не должен представлять собой некую обезличенную сетку из транспортных линий, узлов и улиц. Город — не конгломерат кварталов, подчиненный в своем строении лишь «чисто функциональным» требованиям. Город — живой организм, и в этом организме обязательную и важнейшую роль играет его центр. Это не только парадная, представительная часть, какой центральные кварталы были и в прошлом, но прежде всего — средоточие общественной жизни, место расположения центральных общественных зданий и административных учреждений, место народных празднеств и демонстраций. Такая роль центральных площадей и ансамблей города придает их планировке и застройке особую значимость. Здесь с особой силой и выразительностью запечатлевается архитектурное лицо всего города и сильнее, чем в других частях города, звучит в архитектуре нота монументальности.

Советское градостроительство отвергает упрощенческие схемы, которые нивелируют застройку отдельных частей города, обезличивают и тем самым сводят на-нет архитектурное значение центра. В этом отношении советская архитектурная мысль развивает большие традиции русского градостроительства, выработавшего на протяжении веков замечательные приемы планировки и застройки центральных городских ансамблей.

Еще большее значение приобретает в наше время проблема жилого квартала — этого основного элемента современного города. Именно от того, как организован жилой квартал, зависит степень приспособленности города к полнокровной культурной жизни его обитателей. Современное градостроительство рассматривает квартал не только как своеобразный микрорайон, составляющий основу всего городского плана, но и как законченное архитектурное целое. Мало решить вопрос о той или иной планировочной схеме квартала, — необходимо дать каждому кварталу нужные ему свободные пространства, зеленые насаждения, детские площадки, оградить внутриквартальные улицы и дороги от транзитного движения, защитить внутриквартальную жизнь от шума и пыли больших городских магистралей, обеспечить потребности квартала сетью обслуживающих и коммунальных учреждений.

С проблемой квартала непосредственно связан вопрос о зонировании этажности в застройке города. Механическое разделение города на определенные зоны по высоте этажности вряд ли отвечает архитектурным и бытовым интересам современного города. В одном и том же квартале могут существовать различные типы застройки, от одно- и двухэтажных жилых домов до высотных, «башенного» типа многоэтажных зданий. Но, с другой стороны, некоторые особые части города требуют специальной регламентации застройки в отношении этажности, разрывов, длины корпуса отдельного дома и т. д. Так, например, застройка набережных, как правило, не должна «заслонять» город от реки, что имеет место при застройке многоэтажными многосекционными жилыми домами, как это, в частности, в последние довоенные годы практиковалось на некоторых набережных Москвы.

Все эти вопросы теснейшим образом связаны с важнейшей проблемой — наиболее широкого и всестороннего использования природных факторов города. Наивный урбанизм, предпочитавший искусственную обстановку городского «комфорта» природе, отходит в прошлое: мы знаем, что только в сочетании современной техники городского благоустройства с мощными природными факторами (зеленью, водой, обилием свежего воздуха) могут быть созданы здоровые, подлинно современные условия для жизни большого города. Асфальт не должен всюду вытеснять зеленый покров; в застройке следует оставлять место для дворов и открытых площадок, могущих служить как бы продолжением самого жилья и доставлять все возможности для отдыха, прогулок, детских игр. Сады, скверы, бульвары и парки, берега реки, искусственные водные бассейны должны занять важнейшее место в архитектурно-планировочном ансамбле жилых кварталов города.

Мы коснулись только отдельных вопросов, показывающих, как органично переплетаются собственно архитектурные и собственно градостроительные интересы современного города. Советская архитектурная мысль, свободная от упадочных, пессимистических сомнений, разъедающих новейшую западную архитектуру, и от тех пут, которыми связано градостроительство в условиях капитализма, указывает новые пути свободного развития и всестороннего прогресса города нового типа — социалистического города.

МАЛОЭТАЖНОЕ ЖИЛОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

ИЗ ОПЫТА ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

В. Гальперин

Почти вся территория Ленинградской области была ареной боев с немецко-фашистскими и финскими захватчиками. Отступая под ударами нашей Армии, враг разрушал и сжигал жилые дома, культурные учреждения и больницы, фабрики и заводы, электростанции, железнодорожные сооружения и мосты, целые населенные пункты. Такие города, как Урицк, Петрокрепость, Мга, Синявино и многие другие, превращены в руины; большинство остальных населенных мест разрушено больше чем наполовину. В городах и рабочих поселках из 3700 тыс. м² довоенного жилого фонда к моменту освобождения области осталось только 1 млн. м². В селах уничтожено и разрушено около 60 тыс. жилых домов.

По новому пятилетнему плану предстоит восстановить и построить в городах и поселках Ленинградской области около 1200 тыс. м² жилой площади, или примерно 30—35 тыс. квартир. Почти столько же жилых домов необходимо восстановить и построить в селах. Кроме того, необходимо осуществить большую программу

культурно-бытового и промышленного строительства. Ясно, что только с помощью передовой строительной техники можно разрешить поставленные задачи. Не исключая обычных традиционных способов производства работ, которые будут и в дальнейшем применяться при восстановлении жилых и других сооружений, надо основную массу нового строительства, в первую очередь жилищного, перевести в ближайшее время на рельсы фабрично-заводского изготовления деталей и конструкций. В этой пятилетке на заводах домостроения нужно построить не менее 30 тыс. квартир. При таком объеме строительства в области следует иметь по крайней мере два домостроительных завода мощностью каждый в 4—5 тыс. квартир в год. К сожалению, два запроектированных завода в городе Лодейное Поле и в Невской Дубровке пока еще не начаты строительством, и вопрос об их мощности и типе окончательно не разрешен плановыми органами. Этот важнейший вопрос нельзя больше откладывать, тем более, что основным видом строи-

тельства в наших городах будут малоэтажные здания, которые легко поддаются стандартизации и индустриализации. На ближайшие годы в Ленинградской области намечены два основных типа застройки: двухэтажные жилые дома на 8—10 квартир, которые будут строиться в центральных районах городов и поселков, оборудованных водопроводом и канализацией, и одноэтажные индивидуальные дома в периферийных районах, имеющие только водоразборные колонки, без домового водоснабжения и канализации.

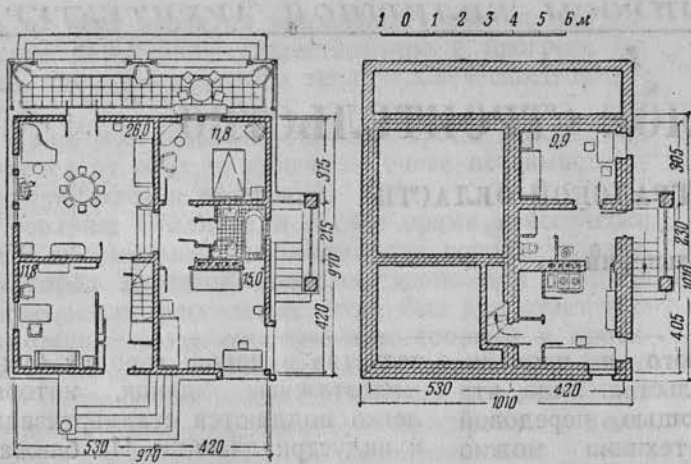
Независимо от принятого типа жилых домов, каждую квартиру мы предполагаем обеспечить индивидуальным участком, расположенным непосредственно у выхода из квартиры. Малоэтажный дом, не имеющий индивидуального участка, теряет в значительной мере смысл. Наоборот, при обеспечении каждой квартиры своим, хотя бы небольшим участком малоэтажное строительство делается наиболее полноценным, выгодным и здоровым типом жилища. Кроме того, наличие индивидуальных участков

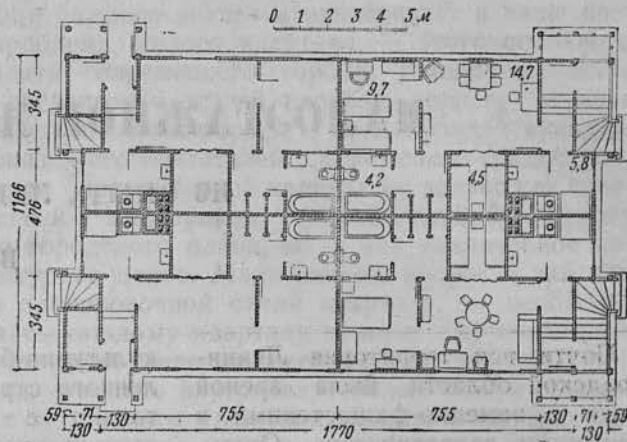
Жилой одноквартирный брусчатый дом. Леноблпроект. Автор арх. С. В. Васильковский

Жилой одноквартирный брусчатый дом. Леноблпроект. Автор арх. С. В. Васильковский

Жилой одноквартирный брусчатый дом.
Автор арх. С. В. Васильковский

Художественное Производственное Бюро Всесоюзной Академии Художеств. Восьмиквартирный жилой дом.
Авторы арх. С. В. Васильковский, арх. Н. Р. Ясенский

имеет и экономическое значение. Только в этом случае можно достаточно быстро и эффективно, не прибегая к помощи государства, озеленить и благоустроить внутриквартальную территорию, обеспечить правильную ее эксплуатацию, используя силы и средства самих жильцов.

Гигантский масштаб восстановительных работ требует от нас широкого использования самых разнообразных конструкций и материалов (кирпич обожженный, сырец, сланцевая зола, дерево в виде рубленых бревенчатых, брусчатых и каркасных конструкций, шлакоизвестковые камни, блоки и плиты и т. п.). Основным материалом для фабрично-заводского домостроения в условиях Ленинградской области будет дерево и его производные (фанера, строительные картоны). Это понятно, если учесть требования индустриализации, значительно сужающие рамки выбора, а также сравнительную ограниченность ассортимента материалов, которыми мы сейчас располагаем. Те же условия будут диктовать и выбор конструкций. В публикуемых здесь проектах, разработанных по заданию Управления по делам Архитектуры при Совете Министров РСФСР бригадой архитекторов под руководством лауреата Сталинской премии С. В. Васильковского, применена щитовая клееная конструкция из водостойкой фанеры, облагороженной пластиками, с теплоизоляцией из бумажной массы или торфа; в дальнейшем возможен переход на изоляцию из шлаковой ваты. Из таких щитов пред-

полагается собирать не только стены, но и перекрытия и кровли.

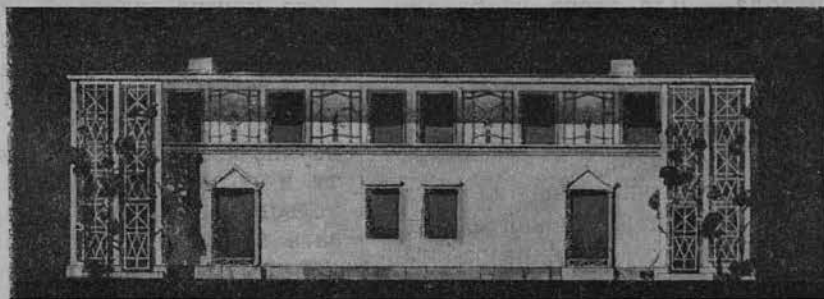
Существенным моментом при проектировании малоэтажных домов является глубина корпуса жилого дома. В этом вопросе пока нет полной ясности, и неудивительно, что архитекторы, проектирующие малоэтажные здания, нередко впадают в противоположные крайности, допуская или очень глубокие корпуса, достигающие 15—16 м, или очень узкие, глубиной всего 7—8 м. Нам кажется, что ни то, ни другое решение не отвечает условиям малоэтажного строительства. Нет смысла чрезмерно расширять корпуса, так как в одно-двухэтажных домах нет ни лифтов, ни дорогих капитальных лестниц. Однако было бы ошибочно чрезмерное сужение корпуса. Это может привести к увеличению погоняжа наружных стен и соответственно поверхностей охлаждения, т. е. к удорожанию строительства и эксплуатации дома, в особенности при климатических условиях Ленинградской области. Точный ответ на вопрос об оптимальной глубине корпуса малоэтажного дома могут дать только специальное исследование и расчеты применительно к конкретным климатическим условиям, определенной конструкции и качеству материала и т. п. Не располагая пока такими точными данными, мы в своих проектах малоэтажных домов принимаем глубину корпуса в 10—11 м.

Еще больше споров возникает в настоящее время вокруг вопроса о типе и планировке квартир. Часть хозяйственников —

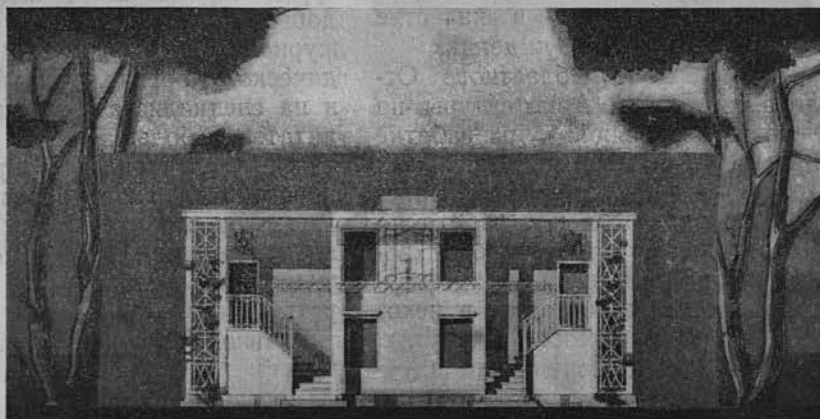
наших заказчиков — стремится строить общежития и большие коммунальные квартиры. Некоторые архитекторы, отвергая общежития, считают, однако, возможным ориентироваться на квартиры среднего размера, в 3—4 комнаты, допускающие временное заселение их несколькими семьями. Мы против обеих точек зрения. Наш народ, построивший первое в мире социалистическое государство, вынесший на своих плечах всю тяжесть борьбы с гитлеровской Германией, завоевал себе право на культурное, благоустроенное жилище. Поэтому, не говоря уже об общежитиях, мы отвергаем коммунальные квартиры, как большие, так и средние и малые. Существенной разницы между ними нет: все они являются разновидностями общежития, только безнадзорного. Небольшие же коммунальные квартиры бессмысленны и с точки зрения экономики: отношение жилой площади к вспомогательной здесь, как известно, очень невыгодное. Коммунальные квартиры, как показала практика, неприемлемы и в эксплуатационном отношении — они быстро разрушаются и требуют частого ремонта. Поэтому мы за индивидуальную (односемейную) квартиру и против того, чтобы отступать от этого принципа хотя бы в качестве временного решения. Естественно, что напряженное положение с жилищем обязывает нас особо внимательно отнестись к требованиям экономики. Поэтому основным типом квартир в ближайшее время надо считать малометражные квартиры, преиму-

щественно в 2 комнаты, с жилой площадью в пределах 30—40 м², и наряду с этим трехкомнатные квартиры большей площади, рассчитанные также на заселение одной семьей.

Принятый тип квартиры диктует в значительной мере и приемы ее планировки. Если исходить из малометражной индивидуальной экономичной квартиры, то в основном выбор ограничивается двумя типовыми решениями. Первый, наиболее распространенный в современной практике; заключается в объединении всех помещений квартиры вокруг прихожей. Этот прием экономичен и имеет одно безусловное преимущество — отсутствие проходных комнат, но во всех остальных отношениях он неудобен. При такой планировке ни одно помещение квартиры не является изолированным: все, что делается в любой комнате, слышно во всех остальных, связь спальных с санузлом происходит через прихожую, уборная находится на виду, обычно при самом входе, стены прихожей изрезаны дверьми. Квартиры, имеющие такое устройство, неудобны, некрасивы. Гораздо предпочтительнее другой прием планировки, при котором в прихожую выходят только два помещения: кухня и столовая — самое большое помещение в квартире. Учитывая, что в наших условиях столовая используется нередко и как спальня, в ней желательно устраивать альков для кроватей. Если в столовой не спят, альков может быть использован как уголок гостиной. Спальные комнаты и туалетная выносятся в самый конец квартиры и отделяются от столовой шлюзом-коридором; это дает хорошую изоляцию. В большинстве случаев столовые в таких квартирах являются проходными. По экономичности такая планировка не уступает первому типу квартир, но бытовые удобства, комфорт, правильная изоляция двух основных групп помещений квартиры, парадность большой комнаты, удачная ее ориентация по отношению ко входу и прихожей делают такую планировку наиболее выгодной и прогрессивной. Она и принята в проектах малоэтажных домов для Ленинградской области. Единственный ее недостаток — проходная

Фасад восьмиквартирного жилого дома заводского изготовления из облагороженной пластика фанеры

Торцовый фасад восьмиквартирного жилого дома заводского изготовления из облагороженной пластика фанеры. Авторы арх. С. В. Васильковский, арх. Н. Р. Ясенский

жилая комната — не является существенным для квартиры, где живет одна семья, в особенности при устройстве алькова, который достаточно изолирует спальное место в столовой. Против нее возражают только те архитекторы и застройщики, которые не освободились от гипнотизирующей идеи коммунальной квартиры с покомнатным расселением.

Большой и самостоятельной проблемой является архитектура малоэтажного дома. Как совместить требования разнообразия со стандартной планировкой и конструкцией домов, выходящих с конвейера домостроительного завода? Практика показывает, что здесь нет никакого противоречия, так как стандартные дома могут иметь нестандартные детали — входы, крыльца, наличники, различную окраску как этих элементов, так и стен, цоколя и кровли в целом.

Пользуясь этими средствами, можно легко сочетать требования стандартизации с разнообразной и выразительной архитектурой и добиться того, чтобы рядом стоящие дома имели свой

индивидуальный облик. Этот прием, в сочетании с различной постановкой домов на участке, с большим или меньшим отступом от улицы, с разными видами озеленения и оформления палисадинок, с разнообразным рисунком ограды и калиток, может дать вполне удовлетворительный результат, что полностью подтверждается практикой малоэтажного строительства.

Архитектура жилого дома вместе с тем должна быть достаточно простой, в меру лиричной и живописной, подчиненной законам ансамбля, не конкурирующей с общественными сооружениями, а, наоборот, служащей для них своего рода фоном.

Архитектура не должна порывать с традиционным образом жилого дома, в глубоком и лучшем понимании этого слова, и вместе с тем она должна носить новаторский характер, отвечающий прогрессивной конструкции и новому содержанию, новым идеям нашего времени.

Нужно добиться, чтобы архитектура наших новых жилых домов заслужила признание всего

народа. Для этого необходимо развернуть широкое творческое соревнование за архитектуру жилища, достойную нашей великой Сталинской эпохи, нашего героического народа.

Представленные на иллюстрациях варианты решений фасадов малоэтажных домов, разработанные арх. Васильковским, являются только первыми эскизными набросками, заслуживающими внимания главным образом с точки зрения тенденций, которые в них намечены, и в качестве материала для обсуждения.

Кроме работ Областного Отдела по Делах Архитектуры по экспериментальной разработке проектов стандартных сборных домов из обогорженной фанеры, исследовательская работа по малоэтажному строительству ведется в Управлении Архитектуры Ленинграда, а также в некоторых ленинградских институтах. Однако нет в Ленинграде науч-

ного центра, который координировал бы эту работу, и отсутствует экспериментальная база. Чтобы заполнить пробел и действительно продвинуть вперед научно-исследовательскую работу в области жилищного строительства, необходимо организовать в Ленинграде филиал Академии Архитектуры. Такие же филиалы следовало бы создать и в столицах братских республик. Это в первую очередь необходимо самой Академии Архитектуры. Кроме того, желательно добиться издания специального журнала. Нужда в таком периодическом органе, рассчитанном и на специалиста и на широкого читателя, большая. На страницах его следовало бы пропагандировать лучшие образцы жилищного строительства, обсуждать новые проекты домов, оборудования, мебелировки, благоустройства.

Главное условие успеха нашей работы в области жилищного

строительства — организация в надлежащих масштабах фабрично-заводского домостроения.

В настоящее время фабрично-заводским домостроением занимается целый ряд министерств и ведомств. Отсутствует центр, который руководил бы заводским домостроением во всесоюзном масштабе. В результате выпуск домов и строительство заводов отстают от плана. Нам кажется, что это важнейшее дело, требующее особой специализации и внимания, следовало бы объединить в специальном министерстве фабрично-заводского домостроения.

Используя передовую технику фабрично-заводского домостроения, мы сможем в кратчайшие сроки разрешить одну из важнейших послевоенных задач — строительство удобного, красивого и дешевого жилища для широких масс трудящихся нашей великой страны.

АРХИТЕКТУРА МАЛОЭТАЖНЫХ ЖИЛЫХ ДОМОВ В ПРИГОРОДАХ ТАЛЛИНА

П. Блохин

Пятилетний план предусматривает огромные работы по восстановлению жилищного и коммунального хозяйства городов Эстонской ССР, разрушенных за время немецко-фашистской оккупации, в первую очередь Таллина, Тарту, Нарвы, Пярну. По плану на 1946—1950 годы установлен ввод в действие государственного жилого фонда в городах Эстонской ССР в размере 1125 тыс. м², в том числе по линии местных советов в размере 240 тыс. м².

Значительная часть этого фонда осуществляется за счет малоэтажного строительства. Предпосылками к этому служат и сложившийся характер горо-

дов Эстонской ССР с сильно развитой малоэтажной застройкой, как в городах, так и в их пригородах, и местная база стройматериалов.

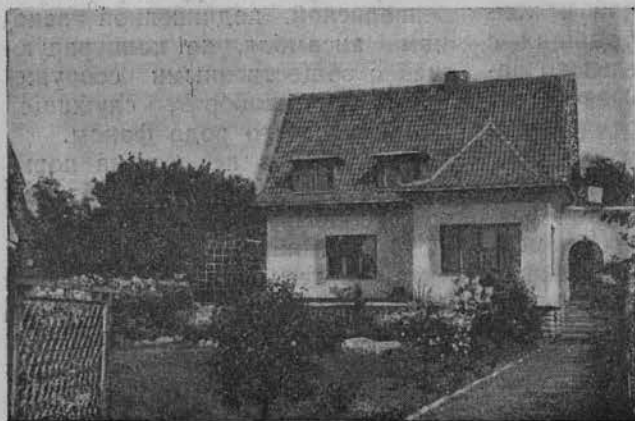
Участники состоявшегося в августе 1946 года в Таллине совещания архитекторов, созданного Правлением Союза Советских Архитекторов СССР для обсуждения вопросов малоэтажного жилищного строительства, имели возможность подробно, на месте, познакомиться с опытом эстонских архитекторов в этой области.

Малоэтажная застройка отдельных жилых районов Таллина и в особенности его пригородных жилых поселков — Пирита, Меривилья, Нымме — представ-

ляет большой интерес для архитекторов, работающих над малоэтажными домами, и заслуживает, по нашему мнению, изучения.

В этой статье, отнюдь не претендующей на научное обоснование выводов, изложены лишь общие впечатления одного из участников Таллинского совещания архитекторов.

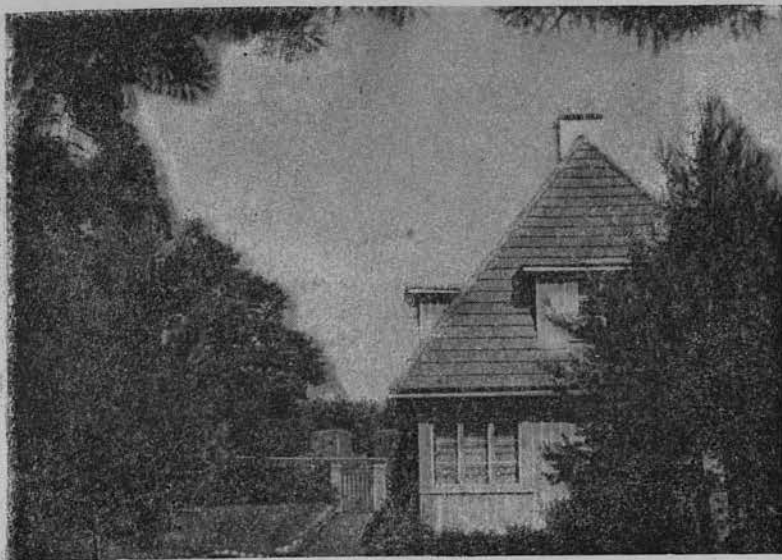
Пожалуй, наиболее яркое впечатление оставляет контраст между беспорядочностью планировки пригородов в целом и образцовым устройством от-

Дом в поселке Меривилья

Дом в поселке Нымме. Арх. Вельбри

Дом в поселке Нымме

Дом в поселке Нымме

дельно взятого участка. Контраст является прямым следствием капиталистических условий, при которых в досоветской Эстонии зарождались эти пригородные поселки.

Протрассированные без всякой системы, лишённые элементарного благоустройства, немощенные, без тротуаров, без уличного освещения, улочки и переулочки поселков Меривилья и Пирита должны послужить объектом предстоящих реконструктивных работ для архитекторов Советской Эстонии.

Сетка улиц и планы поселков ясно говорят об отсутствии единой общей планировочной идеи. Достаточно сказать, что расположенные на берегу жи-

вописного залива поселки повернулись спиной к морю. Нет ни одной улицы, ни одной аллеи, раскрывающей из поселка перспективу на море. Вместо набережной — глухие заборы, прикрывающие задворки отдельных участков.

Расположенные вдоль берега усадьбы обращены не на набережную, а на внутрипоселковые проезды. И рядом с этим в тех же поселках как будто нарочно, чтобы подчеркнуть различие между бездушным системой, породившей эту уродливую планировку, и богатствами души простого эстонского народа, на каждом шагу — доказательство большой любви к природе, изумительное умение использовать любое дерево,

любой кустарник и цветок для того, чтобы украсить ими свое жилище.

Умение «вписать архитектуру в природу», украсить пейзаж архитектурным сооружением, подчинить природу и в то же время обогатить само сооружение за счет природы, — умение это является одним из культурных достояний эстонского народа. Оно проявляет себя и в замечательном силуэте города Таллина, и в его пригородах, и, пожалуй, ярче всего выражено в архитектурном пейзаже сельских и рыбацких поселков. Естественно, что то же мы находим и в целом ряде работ эстонских архитекторов.

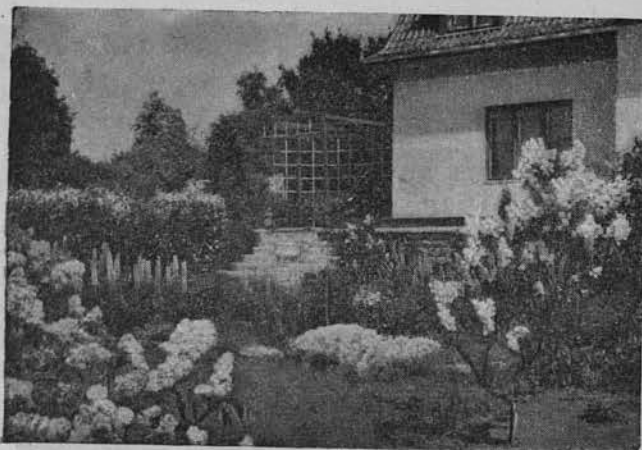
Малозатяжный дом в большинстве

Дом в поселке Нымме

Дом в поселке Нымме

Цветник и веранда дома в поселке Меривилья

Дом в поселке Визмари

случаев поставлен на участке не только с полным учетом зелени, растущей на нем к моменту постройки, но и в предвидении всех проектируемых дополнительных посадок.

Зелень используется архитектором и для устройства живой ограды, и в качестве крыши перголы, и как выходящая «облицовка» стены.

Широко используются и декоративные качества строительного материала. Местный постелистый камень без особой предварительной обработки и без последующей оштукатурки, в виде грубой, но весьма живописной шубы, применяется для устройства цоколей, ограждений лестниц, садовых оград, малых архитектурных форм и т. д. Выложенные из этого камня цоколи домов в сочетании со светлой гладью оштукатуренной или обшитой досками стены очень красивы.

Стены малоэтажных домов в осматриваемых нами пригородных поселках чаще всего соответствуют одной из двух распространенных конструкций. Это либо шведская стенка — заборник с двумя рядами толстых досок, примыкающими вплотную один к другому, со стойками остова в углах, по бокам проемов и в местах сопряжения наружной стены с перегородками, или же это каркасно-обшивная стена, засыпанная опилками с добавлением извести. В обоих слу-

чаях применяется прокладка толя под лицевую обшивку. Лицевая отделка состоит из вертикальной обшивки тесом с нащельниками либо из гладкой штукатурки. Как правило, лицевая обшивка выполняется через год-два после начала эксплуатации дома, первые же два года стены дома стоят в толевой одежде, имея довольно уродливый и мрачный вид.

Следует отметить любопытный прием использования кирпича в качестве отделочного и даже декоративного материала в деревянных обшивных домах. В качестве характерного примера приведем дом на улице Пикк, 116, поселка Нымме, в котором кирпичом облицован простенок, образуемый угловыми окнами, при деревянной обшивке дома в целом. Нужно сказать, что этот прием столь же некрасив, как и неорганичен.

Кирпич и мелкоблочные камни также применяются в качестве основного стенового материала малоэтажных зданий, но встречались нам значительно реже.

Кровли малоэтажных зданий чаще всего черепичные. Применяются также финская шепа, цементная черепица, шифер, а иногда и тес. Черепица укладывается при любых скатах кровли, иногда при очень крутых, далеко выходящих за пределы принятых у нас норм.

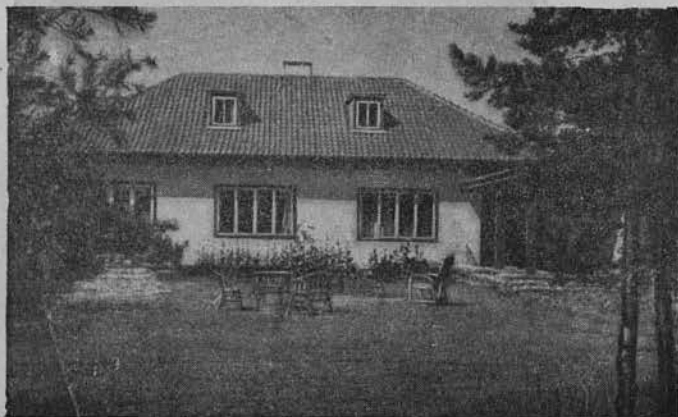
Форма и рисунок черепицы разнообразны.

Крыша, в сущности, основной компонент архитектуры описываемых малоэтажных домов. При небольшом объеме здания, обозреваемого со всех сторон, значение крыши в его архитектуре выражается и в тщательности выбора кровельного материала, и в том, как расположены (отнюдь не случайно) трубы, и прежде всего, конечно, в ее форме. Иногда она решается фронтонами, иногда четырьмя скатами, но всегда так, что воспринимается как важнейший элемент архитектуры маленского дома.

Архитектор часто идет на пересечение двух коньков, на изломы скатов у стены, на некоторые усложнения конструкции стропил и устройства кровли, имея в виду значение крыши в архитектуре дома в целом. И нужно сказать, что в большинстве случаев эти усложнения полностью себя оправдывают.

Приводимые нами фото домов в поселке Нымме показывают, что приятное впечатление, которое они оставляют, при простоте решения отдельных домов, создается в значительной мере именно за счет крыши.

Архитектурный прием, в котором в основу композиции положены элементы, органически связанные с малоэтажным жилым домом, — крыша, вход, терраса,

Дом в поселке Нымме

Дворик дома в поселке Нымме

окно мансарды, — нам кажется правильным приемом. Работы эстонских архитекторов над малоэтажным домом, выполненные в этом направлении, должны быть оценены, по нашему мнению, как явление положительное.

Наряду с этим необходимо отметить имеющиеся в тех же поселках решения малоэтажных домов с плоскими крышами, ленточными окнами, стеклянными стенами и т. п., являющиеся результатом увлечения некоторой части эстонских архитекторов конструктивизмом.

Ни климатические, ни какие-либо другие местные природные условия не оправдывают применения этих решений. В эксплуатации такие дома показали себя хуже, чем дома с обычной двускатной крышей, с привычными формами окон и дверей. Нельзя сказать, чтобы конструктивистские формы вязались и с пейзажем, они оказались так же

чуждыми эстонской природе, как философия западноевропейского конструктивизма чужда идеологии советского архитектора.

* * *

Оставляя в стороне вопрос о планах домов, как самостоятельную тему, заслуживающую особого обзора, необходимо все же дать в этой статье хотя бы краткое описание внутреннего устройства дома.

Очень скромные по внешней отделке, малоэтажные дома Нымме и Мервилья в большинстве случаев и внутри отделаны очень скромно. Жилая площадь, как правило, невелика: одна или две жилые комнаты и кухня в первом этаже и спальня (иногда две) в мансарде, точнее — в чердачном пространстве дома.

Высота комнат первого этажа в большинстве осмотренных нами домов

2,4—2,6 м. Высота комнат мансарды такая же. В подвале, ради которого под домом устраивается высокий каменный цоколь, находится ряд хозяйственных помещений, прачечная, вспомогательная кухня, иногда небольшая баня, а в домах, оборудованных центральным местным отоплением, — котельная. Здесь же устраиваются кладовые.

Экономичность, с которой решены проекты многих жилых домов в пригородах, и наличие ряда положительных качеств в архитектуре многих из них делают целесообразным использование положительных элементов опыта эстонских архитекторов по малоэтажному строительству в пятилетнем плане жилищного строительства не только в Эстонской ССР, но и в других республиках Союза. В связи с этим следует еще раз указать на необходимость детального изучения этого опыта.

ТРИ ПРОЕКТА ЖИЛЫХ ДОМОВ В МОСКВЕ

К. Афанасьев

Жилые дома в Москве, выстроенные за последнее десятилетие, имеют ряд общих черт, и это дает нам право говорить об уже сложившихся «правилах» проектирования жилых домов, которым следуют архитекторы-авторы. Конечно, в практике мы имеем не один тип жилого дома, а несколько его вариантов, однако тот тип, к которому принадлежат три интересующих нас дома, распространён, несомненно, в наибольшей степени.

Первой его чертой является этажность. Абсолютное большинство выстроенных за этот период жилых домов имеют 6—9 этажей. Такие дома строились и на магистралях, и в переулках, и на окраинах; их строят на улице Горького, на Можайском шоссе и даже на... пляже, близ Хорошовского бора. Объясняется это чисто экономическими соображениями. Кирпичная стена минимальной толщины (2—2½ кирпича) может нести и сама себя и междуэтажные перекрытия зданий, имеющих именно эту этажность.

Другая черта рассматриваемого типа жилого дома заключается в его размерах в плане. В Москве мы можем назвать ряд магистралей, и среди них улицы Горького, Б. Калужскую, Можайское шоссе, где имело место

строительство больших жилых массивов. Но, кроме того, строительство на многих больших и малых улицах и переулках велось в порядке застройки пустырей и сноса обветшалых домов. Такое строительство обусловило средний размер дома в 3—5 секций по фронту. Эти две характерные черты определили средний размер нормального для Москвы жилого дома.

Здания представляют собой секционные дома с повторяющимися 2—4 этажами, с однотипными квартирами из 4 жилых комнат, с обычными удобствами, ванной, уборной и кухней; в первом этаже размещаются магазины. Таким образом, дом в целом представляет собой параллелепипед, сложенный из единого блока-квартиры.

Желание застроить в первую очередь важные магистрали города, хорошо оформить их привело к тому, что новые жилые дома ставятся по фронту улицы, не образуя дворов или садов. Внутриквартальное пространство остается вне сферы деятельности архитектора. К сожалению, часто архитектор привык игнорировать значение «квартального интерьера», в частности в Москве, сосредоточив все внимание исключительно на застройке улицы и оформлении главного фасада.

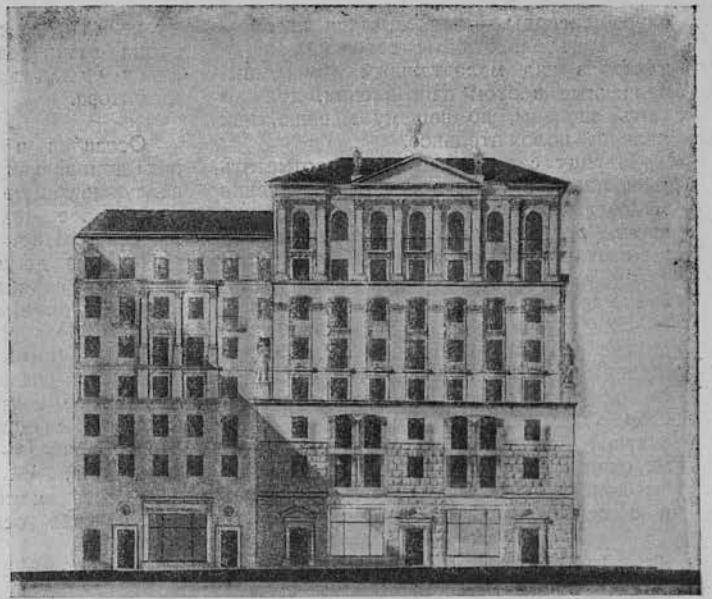
Жилой дом на углу улицы Горького и площади Пушкина, спроектированный членом-корреспондентом Академии Архитектуры М. П. Парусниковым совместно с арх. Г. П. Бадановым, жилой дом на углу Тверского бульвара и М. Никитской, спроектированный арх. Н. Н. Селивановым и К. Д. Кисловой, и жилой дом на Садовой-Черногрязской, спроектированный арх. А. Д. Сурисом, относятся к охарактеризованной нами группе. Два из них имеют по 6 этажей, а дом на улице Горького — в большей своей части 8 этажей. Протяженность здания (3—4 секции) также соответствует установленному размеру жилого дома.

Типовые квартиры, так называемые «ячейки», во всех случаях почти аналогичны. При экономически выгодной большой ширине корпуса (около 15 м) мы имеем малые двух- и трехкомнатные квартиры с очень удачной внутренней планировкой (на плане жилого дома по улице Горького дан пример блокировки квартир с 4—5 комнатами в каждой). Во всех трех случаях ванна и уборная не имеют «второго света», что и обеспечило удачную планировку ячеек.

Все же, несмотря на хорошее качество планировки жилых

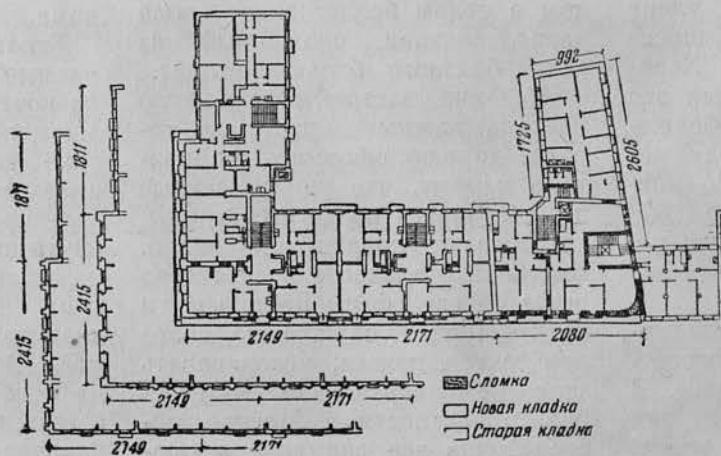
Жилой дом № 19 по ул. Горького в Москве. Перспектива с Пушкинской площади. Арх. М. П. Парусников, соавтор Г. П. Баданов

Жилой дом № 19 по ул. Горького в Москве. Фасад с Пушкинской площади. Арх. М. П. Парусников, соавтор Г. П. Баданов

Жилой дом № 19 по ул. Горького в Москве. Главный фасад с ул. Горького. Арх. М. П. Парусников, соавтор Г. П. Баданов

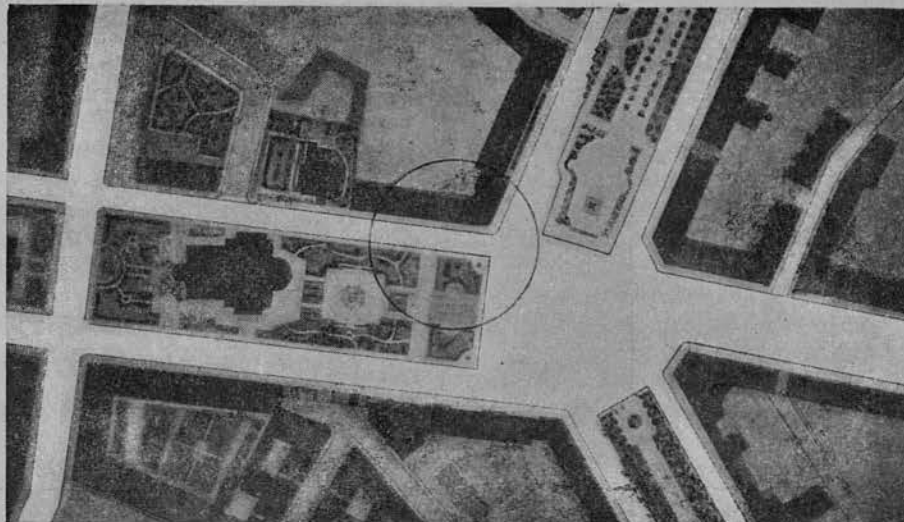
Жилой дом № 19 по ул. Горького в Москве. План 4-го этажа

квартир и секции в целом, надлежит сделать кое-какие замечания: 50% квартир при таком решении выходят всеми своими комнатами и кухнями на одну сторону корпуса и 50%—на другую сторону, что при постановке корпуса по столь значительным магистралям, как улица Горького, Садовая и Тверской бульвар, может быть нежелательным и в интересах звукоизоляции спальных комнат от шума улицы и в целях сохранения вида на улицу из окон хотя бы одной комнаты. При постановке корпуса по параллели одна сторона с 50% квартир окажется ориентированной всеми своими помещениями на север. Применение такой планировки поэтому возможно только для зданий, имеющих строго меридиональное направление, что мы и имеем в проектах домов для улицы Горького и Тверского бульвара. Что касается дома на Садовой-Черногрязской улице, то в нем имеется в каждом этаже ряд квартир, ориентированных всеми помещениями на северо-восток и на север.

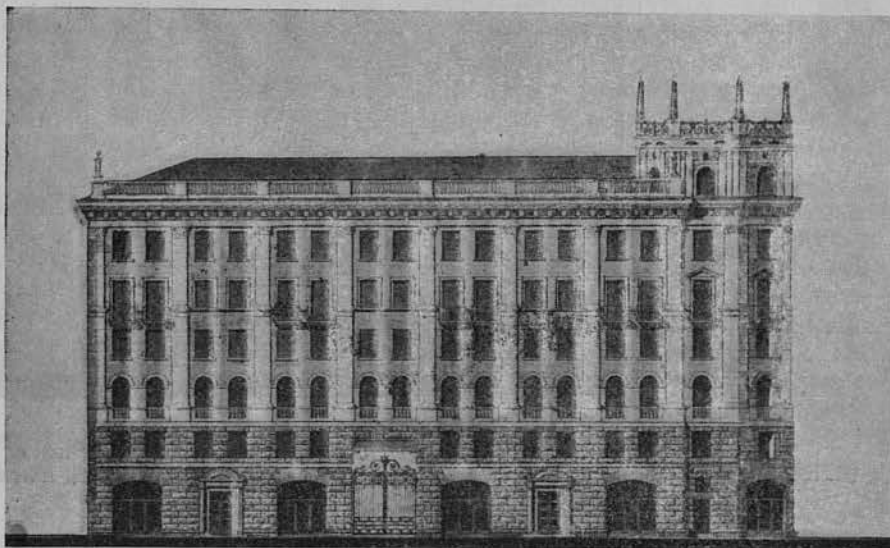
Квартиры дома на Садовой имеют в плане существенные отличия, которые заключаются в увеличении «шага», а следовательно, и площади комнат, в наличии служебных, так называемых «черных» лестниц. Здесь дана возможность решить очень удачно квартиру в целом, размещая парадную комнату в связи с прекрасной передней; кухня же отодвигается в глубь квартиры. Наличие служебной лестницы, хотя бы без лифта, бесспорно улучшает квартиру в целом.

Планы всех трех домов, следуя установленному правилу, в результате отвода соответствующих участков для строительства своими габаритами ни в какой степени не определяют архитектуру двора и квартала.

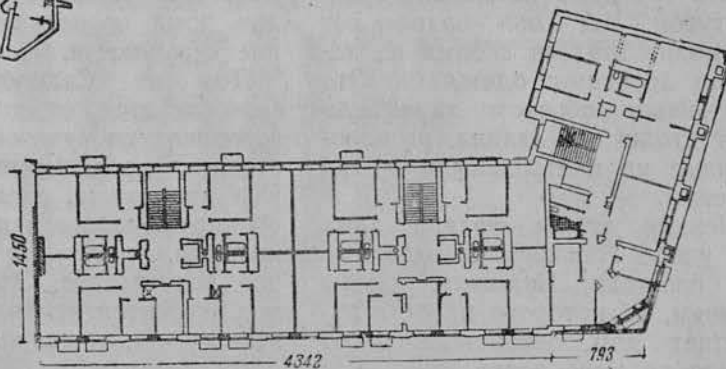
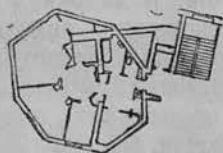
Наконец, мы должны отметить, что каждый из фасадов трех проектов в большей или меньшей степени имеет свои законы построения и композицию, свою жизнь, очень слабо связанную с самим существом сооружения.

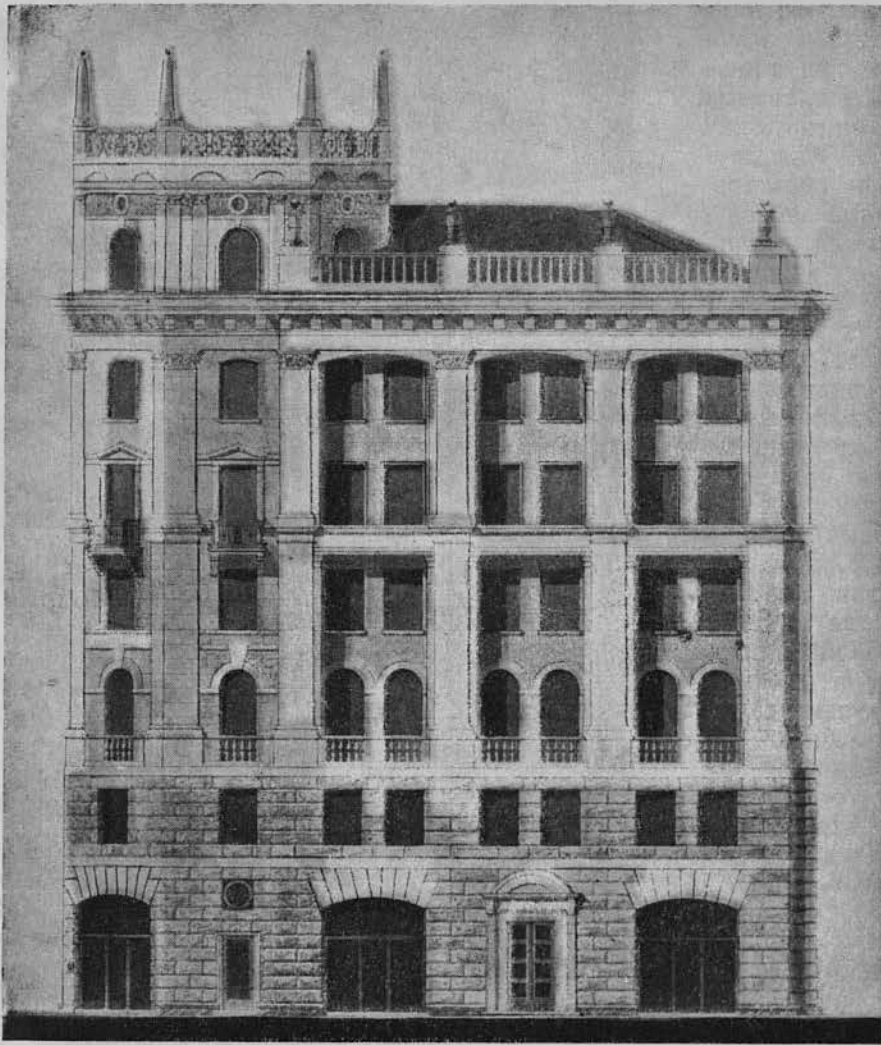
Генеральный план площади Никитских ворот в Москве.
Арх. Н. Н. Селиванов и К. Д. Кислова

Жилой дом № 1/2 по Тверскому бульвару в Москве. Фасад с М. Никитской ул. Арх. Н. Н. Селиванов и К. Д. Кислова

Жилой дом № 1/2 по Тверскому бульвару. План типового этажа

*Жилой дом № 1/2 по Тверскому бульвару. Вид с Тверского бульвара.
Арх. Н. Н. Селиванов и К. Д. Кислова*

* * *

Говоря об архитектуре здания, следует прежде всего понять и оценить ее в целом, и только потом анализировать и оценивать отдельные качества.

Все три дома насыщены архитектурой, все они привлекают внимание зрителя своими нарядными, дорогими одеждами. Это достойным образом характеризует столичные здания, расположенные на центральных улицах Москвы.

Первые этажи фасада дома на улице Горького, выходящего на площадь Пушкина, одеты камнем, из которого как бы вырастает дом, освобождаясь от камня по мере роста.

Дом на Тверском бульваре строже и проще. Он не бросается в глаза. Зрителю кажется, что он уже не раз видел подобное здание. Фасад как бы продикто-

ван ритмом окон. Сложность построения двойных по высоте пилеастр, без промежуточного карниза, как бы подчеркивает это служебное значение архитектурного построения. Несмотря на некоторый привкус модерна, облик дома производит впечатление серьезности.

Дом по Садовой-Черногрязской хочется отметить прежде всего как сооружение в высшей степени «представительное». Первые два этажа, если они будут облицованы камнем и хорошо выполнены, произведут благоприятное впечатление. Это, собственно, относится не только к двум этажам, но, пожалуй, и ко всему дому в целом.

Дом на улице Горького своим главным фасадом обращен на площадь Пушкина, а обратный торец его, украшенный богатой лоджией, — к Музею революции.

Такая композиция выделяет это здание из ряда других потому, что его торцы замыкают дальние перспективы. Тем самым фасад, выходящий на улицу Горького, становится боковым.

Перед нами как бы дом «в антах», так как торцы решаются ордерным построением, а боковой фасад — стеной.

Дом имеет восемь этажей, а в части, примыкающей к Музею революции, — шесть. Спад этажности удачно решает задачу соседства нового большого дома с небольшим зданием музея. Большая, восьмизэтажная часть здания имеет три основных членения; они же членят и шестизэтажную часть дома. Позволительно задуматься, хорошо ли это. Не лучше ли было бы дать меньшее здание в своем ритме? На перспективе дома сни-

женная часть здания кажется недостроенной.

Дополнительное членение среднего пояса — удачное, второстепенное же членение первого пояса, построенное в обратном отношении, быть может, «путает карты»; образованное кромкой облицовки, оно представляется родом панели.

Большой (боковой) фасад, ввиду сложного ритма окон и богатой декорировки, «спорит» с главным торцовым фасадом или, во всяком случае, умаляет его значение, что противоречит основной идее.

Хорошо спроектирован карниз, который на боковом фасаде своими крупными элементами венчает здание, а на торцовом фасаде получает иную профилировку, в соответствии с полным ансамблем верхнего ордера.

Вызывает некоторое сомнение большое разнообразие разобщенных ордерных построений среднего пояса: здесь мы имеем и ордер торцового фасада, и ордер, декорирующий боковой фасад над проездом, и двухъярусные построения на шестиэтажной части здания.

Создается впечатление, что дорогостоящее решение развитого цоколя, вынесенного из плоскости стены первого яруса, не оправдывает себя: большие проемы — род арок, устроенных в

цоколе, — оказалось невозможным перекрыть должным образом. Легкие плоские сводики обесценили тяжелую, массивную стену, на которую они опираются.

Оценивая композицию жилого дома на Тверском бульваре, следует остановиться прежде всего на принятом автором так называемом «угловом решении». На углу — башня; этот столь распространенный в последние годы прием в высшей степени опасен своей возможной тривиальностью. Для него требуется серьезное композиционное обоснование. В данном случае оно есть в генеральном плане. Дело в том, что перспектива Никитского бульвара в дальнейшем будет замыкаться именно этим домом.

После реконструкции Малой Никитской улицы, значение которой пока невелико, дом окажется на углу большой, широкой магистрали, по своему значению спорящей с Тверским бульваром. Такое расположение здания исключит возможность отдать предпочтение каждому из его фасадов и настоятельно потребует какой-то акцентировки угла. Но если постановка самой башенки по-своему и закономерна, то трактовка ее вызывает сомнение. Не кажется ли она слишком приземистой, в меру ли строг ее стиль? Обычно всякая

вышка, башня доставляет много забот каждому автору. Архитектор Эстберг, строивший знаменитую ратушу в Стокгольме, рисовал ее верхушку в течение десяти лет. Пожелаем нашим авторам успеха в иные сроки.

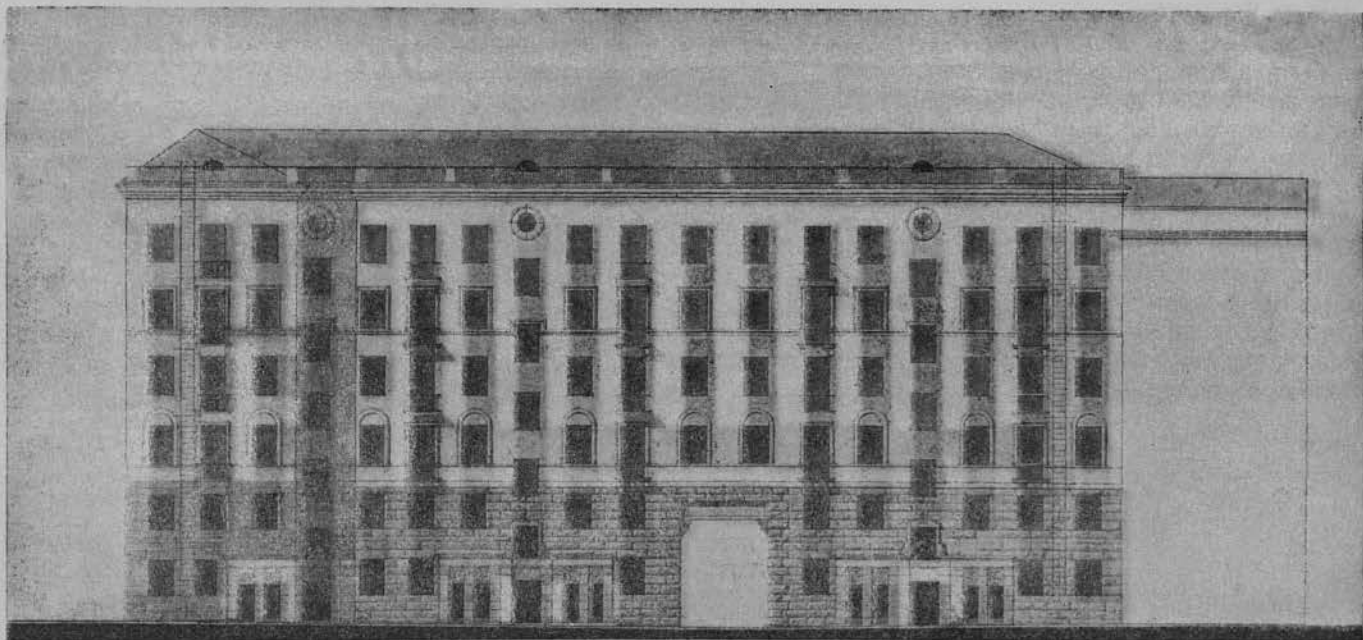
Главная тема решения фасадов с помощью несколько усложненного по характеру ордера оказалась органично связанной с ритмом окон и вообще с обликом строительной коробки здания.

Устройство на южном фасаде неглубоких лоджий несколько смягчает сухость всего построения и кажется вполне уместным.

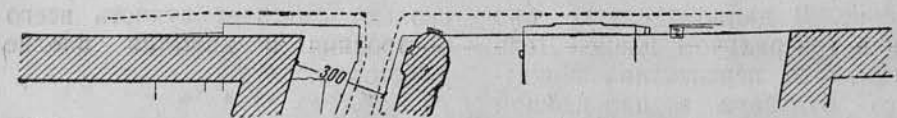
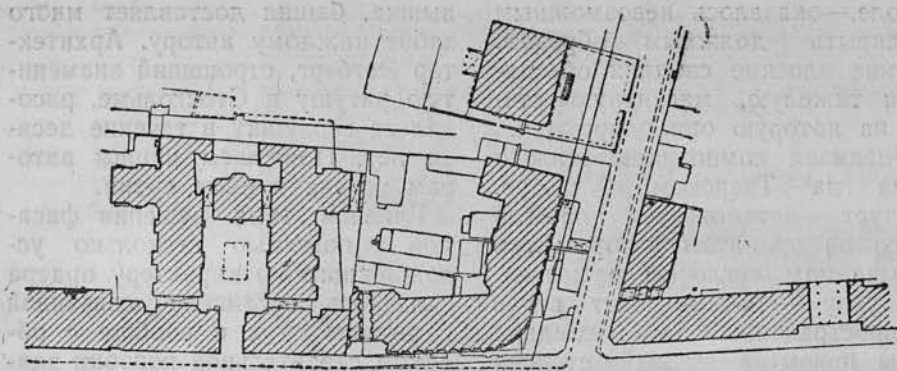
* * *

Третий проект — жилого дома на Садово-Черногрязской — заставляет задуматься над всей композицией здания.

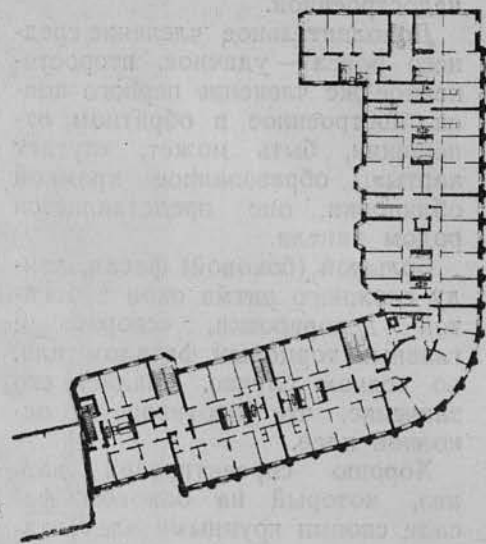
Во-первых, почему в переулке фасад решен так же, как и на магистрали? Ведь подчиненность всего сооружения по отношению к магистрали очевидна. Поясним примером. Скажем, московский Гостиный двор имеет со всех сторон фасад, решенный сильным ордерами, вне зависимости от того, выходит ли он на улицу Разина или в переулок. Но зато он имеет внутреннее сильное ядро в виде двора правильной формы, что и делает это сооружение композиционно цельным.

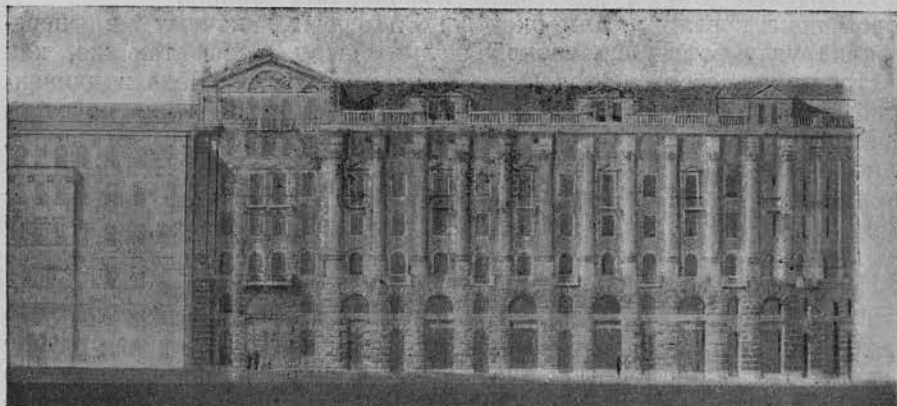
Жилой дом № 1/2 по Тверскому бульвару в Москве. Дворовый фасад

Жилой дом № 5 по Садово-Черногрязской в Москве. Генеральный план.
Автор проекта А. Д. Суриц

Жилой дом № 5/9 по Садово-Черногрязской. План типового этажа

Жилой дом № 5а по Садово-Черногрязской. Главный фасад по Садовой улице

В нашем же случае дом не имеет ни начала, ни конца, он может быть и длиннее и короче, не влияя на цельность композиции. Дом кажется как бы частью, флигелем какого-то большого, но незавершенного ансамбля. Большая арка в приподнятой части здания не имеет ничего общего с отвернувшимся от нее домом и поэтому не помогает спаять композицию в стройное целое.

Большой ордер — прием, мно-

гократно применявшийся в длительной истории архитектуры. Однако этажность современного жилого дома нарушает структуру ордера, лишая его наиболее существенной части, как мы имеем в данном случае, а именно — и архитрава и фриза. Все пластическое богатство ордера, его доколей, баз, капителей обесценивается отсутствием полноценного антаблемента, который пал жертвой обязательного ритма окон. И неизбежно встает

вопрос: оправдано ли вообще механическое перенесение большого ордера в композицию современного многоэтажного жилого дома?

* * *

В нашем беглом обзоре мы лишь кратко коснулись важнейшего вопроса — связи рассматриваемых жилых домов с ансамблем данной части города. Надо сказать, что связь эта в общем ограничивается весьма поверхностными приемами. В отдельных же случаях вовсе не приходится говорить о подобной связи, так как отсутствует проект всего ансамбля. Это относится как к дому на Пушкинской площади, так и к дому у Никитских ворот. Между тем эти дома должны были бы составлять часть единой композиции важнейших площадей столицы.

Связать каждый дом, возводимый в городе, с ансамблем улицы, площади, квартала — это основное требование советской архитектуры должно стать законом практической работы наших проектировщиков.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СТАЛИНГРАДА

ПРОЕКТ ЗАСТРОЙКИ ПЕРВОЙ ОЧЕРЕДИ

А. Мостаков

Вслед за большой работой по составлению генерального плана восстановления Сталинграда, уже утвержденной правительством, коллектив Академии Архитектуры СССР под руководством К. С. Алабяна закончил проект застройки района первой очереди восстановления города. Речь идет о конкретном строительстве ближайших лет. Проектом охвачен один из ответственных участков центра города.

Для уяснения значимости проектируемого района следует указать, что он находится в непосредственной близости к центру Сталинграда. Его границами служат основные, ведущие артерии города: с севера и запада — полукольцевая магистраль, с востока — главная магистраль (проспект Сталина), с юга — два ведущих ансамбля (площадь Павших Борцов и Вокзальная площадь, соединенные улицей Гоголя). Внутри указанных границ

размещены два ряда кварталов по четыре в каждом — всего восемь кварталов. Саратовская улица является как бы внутренней осью продольного направления этого района. Улицы Вокзальная, Курская, Киевская — его поперечные направления, из которых Вокзальная и Киевская — транспортного характера.

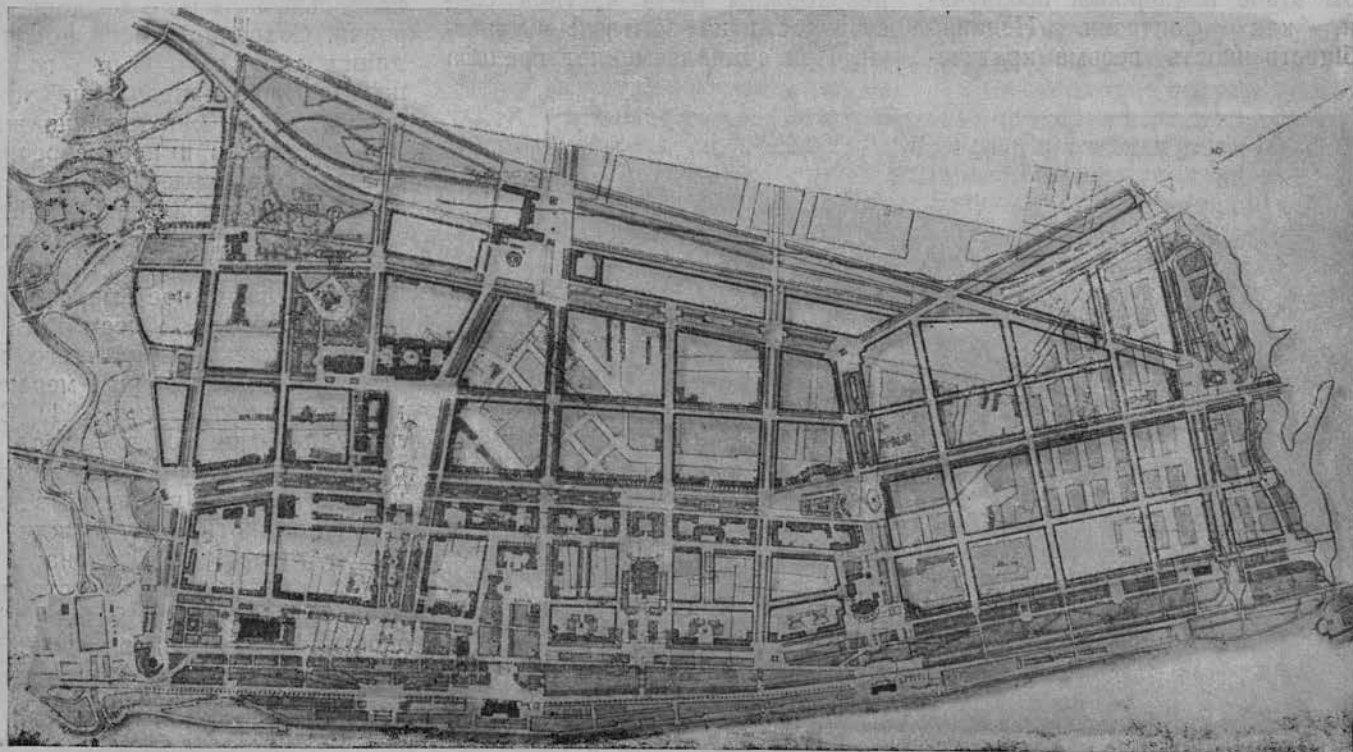
Описанная структура исходит из генерального плана города, и, таким образом, здесь налицо полная преемственность. Однако ограничиться этой справкой было бы явно недостаточно. Дело в том, что Вокзальная и Саратовская улицы ныне в указанном в проекте виде не существуют. Они трассируются вновь, вопреки существующей в этом месте старой сетке улиц. Авторы генплана решительным образом направляют случайное, угловое направление означенного отрезка улиц по отношению к реке Волге и к основной, параллельной

ей сети города. Конечно, столь существенное, «хирургическое» мероприятие оказалось возможным включить в план лишь вследствие разрушенности города. Район имел до войны интенсивную застройку и опорный фонд.

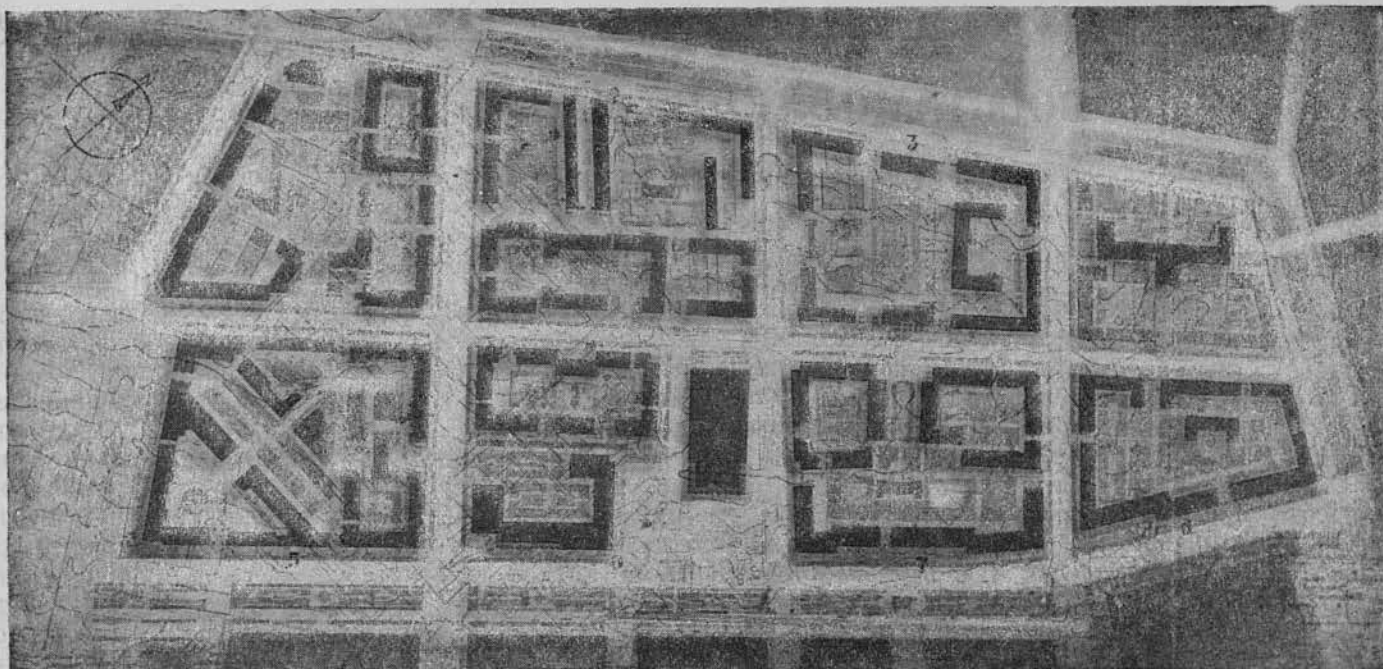
Нельзя, однако, сказать, что сейчас все трудности перестройки сведены на-нет. За последние годы некоторые здания восстановлены, уличное благоустройство старых улиц и их подземные коммуникации сохранились. Перестройка затронет режим функционирующего важного вокзального района города.

В свете этого следует подвергнуть анализу и оценке столь смелое, радикальное мероприятие по реконструкции, тем более, что оно связано с первой очередью восстановительных работ.

Практика советской планировки городов дает нам примеры трех подходов к реконструкции и восстановлению: 1) радикальный

Сталинград. Генеральный план центральной части города. Авторы К. С. Алабян, Н. Х. Поляков, Д. М. Соболев, А. Е. Пожарский

Сталинград. Генеральный план застройки жилых кварталов центра. Руководитель К. С. Алабян. Авторы М. И. Снявский (руководитель бригады), К. Н. Афанасьев, Н. А. Наумова, А. Е. Пожарский, А. Г. Туркенидзе

метод реконструкции, 2) метод приспособления, 3) метод корректирования.

Характеризуя три возможных пути, следует указать, что первый путь — радикальной перестройки города — не типичен для нашей практики. Предложения о полном изменении структуры Москвы (Корбюзье и др.) на первом этапе планировки прозвучали, как фантазия. Недавно общественность весьма критиче-

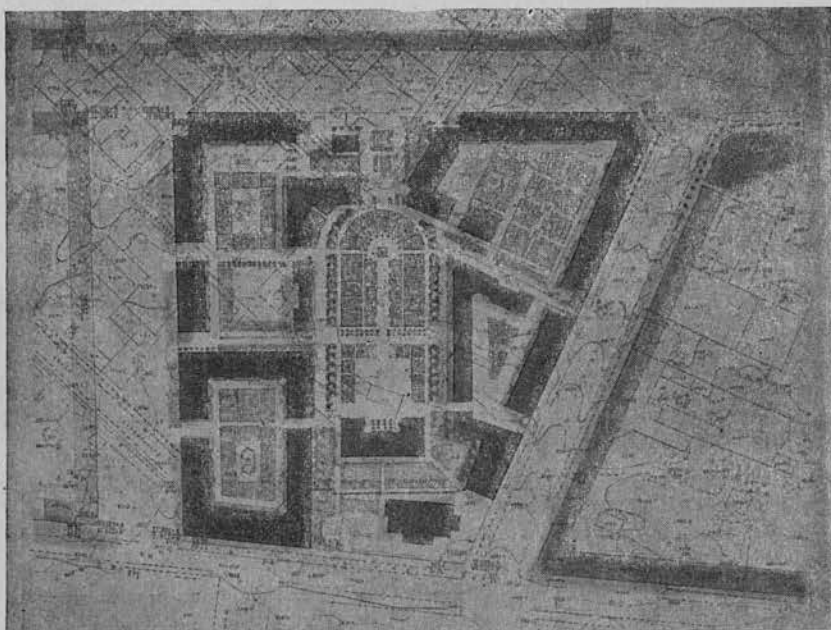
ски отнеслась к экспериментам арх. А. Бурова, предлагавшего застраивать Ялту небоскребами, что равносильно полному изменению ее физиономии.

Но в такой же мере неприемлем для советской практики и метод «приспособления». В капиталистических условиях многие реконструктивные мероприятия невозможны из-за частной собственности на земельные участки. При социализме нет предела

для такой реконструкции города, при которой будут прежде всего обеспечены лучшие условия человеку, понимая это в широком смысле слова: быт, обслуживание, художественно-эстетические задачи и т. д.

К. С. Алабян и его коллектив, отвергнув два указанных пути, приняли третий и единственно правильный метод корректировки. Сохранив в основном традиции «линейного» города, параллельное направление кварталов к реке, они логично внесли корректив в противоречивое угловое направление отрезков кварталов вокзального района, т. е. выправили путаное построение ответственной части города.

Это решительное мероприятие подтверждается, несмотря на практические трудности его осуществления, по крайней мере тремя вескими доводами: 1) Сталинград — не рядовой город; он олицетворяет героизм, историческую победу в Отечественной войне, он носит имя вождя народов товарища Сталина; его облик должен соответствовать этой его исторической роли; 2) по вопросу о восстановлении города-героя имеется опубликованное в 1945 году постановление Совета Министров, являющееся руководящим документом, в основе которого лежит создание специальной организации «Главста-

Генеральный план квартала № 1. Руководитель К. С. Алабян. Руководитель бригады М. И. Снявский. Автор А. Е. Пожарский

линградстрой», с рабочей силой, стройматериалами, транспортом и т. д.; 3) опыт застройки улицы Горького в Москве, примеры Ленинграда, Новосибирска показывают, что только в том случае реконструкция города реально воплощается в жизнь, если она опирается на созданную организующую базу и короткие сроки осуществления; как известно, «Сталинградстрой» поставлен именно в такие условия: он имеет трехлетний план работ, обеспечивающий эффективное и целеустремленное осуществление задачи.

Каковы характерные черты планировки района и отдельных его кварталов, в чем состоит объемно-пространственная их взаимосвязь с улицами?

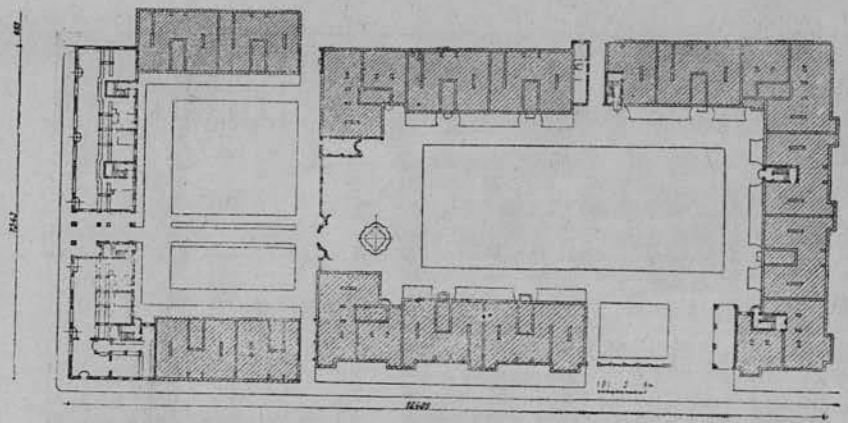
Прежде чем ответить на этот вопрос, следует указать, что, несмотря на известную законченность этого массива, окружение его полукольцевой магистралью и проспектом Сталина, он не может быть назван цельным жилым микрорайоном. Наличие внутри него транспортных артерий (Вокзальная, Курская улицы) мешает созданию детского сектора, нарушает концентрацию зелени и не позволяет избежать транзитного движения.

Поэтому, вопреки мнению авторов, налицо всего лишь жилой массив, состоящий из восьми изолированных кварталов, с рассредоточением школы, детсада, яслей по разным кварталам, с полным исключением общественной зелени.

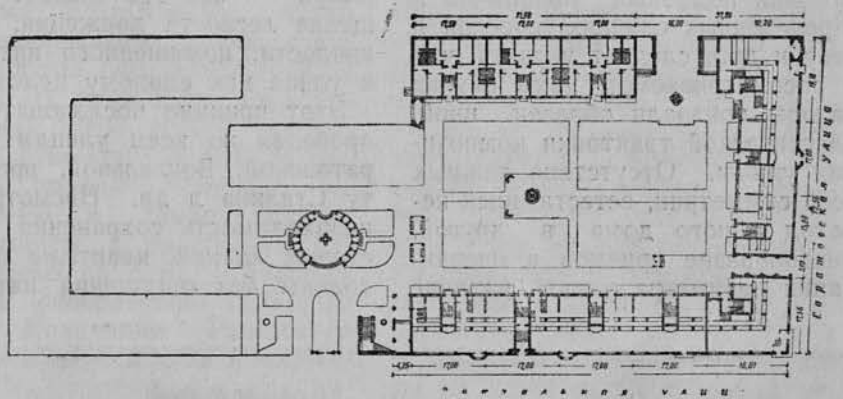
В планировке кварталов авторы стремятся к дифференциации их на отдельные комплексы, жилые и общественные.

Единственное неудачное исключение составляет квартал № 8, который состоит из одного квартального пространства, окруженного жилыми домами, в центре которого поставлен детсад. Здесь смешались две разные функции. Пространство детсада, окруженное забором, загружает жилой двор, затрудняет восприятие его интерьера, а в бытовом отношении один режим будет мешать функционированию другого. Если бы авторы не побоялись выдвинуть детсад к Саратовской улице, решение могло бы быть более четким.

Но этот единственный случай,

План застройки первой очереди в квартале № 2. Авторы К. Афанасьев, И. Логачева, Ф. Розенфельд

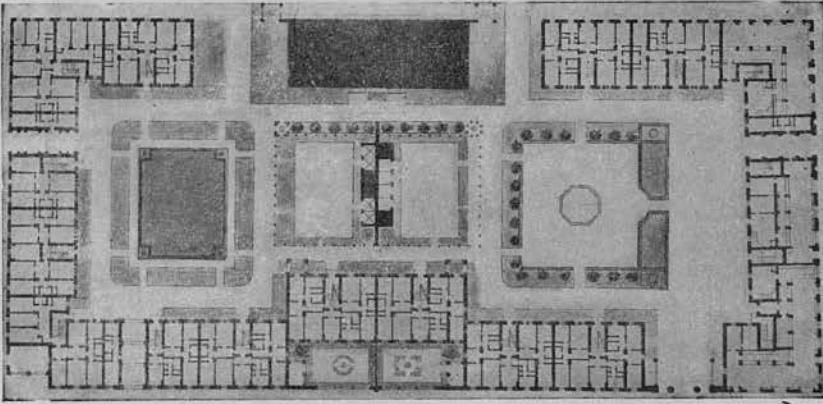
План застройки первой очереди в квартале № 5. Арх. А. Г. Туркенидзе

видимо, не характерен. В квартале № 1 можно проследить разбивку на четыре жилых комплекса и один школьный, кварталы № 2, 3, 5, 6, 7 разбиты в самых разнообразных очертаниях по такому же принципу. Квартал, как сумма законченных элементов, связанных общностью пространственной организации улиц, прежде всего отвечает специфике климата Сталинграда, с его обилием солнца, сухостью и ветрами. Полузамкнутые дворы сохраняют весьма необходимую здесь прохладу, тень и защищают от ветров. Будучи расчлененным, квартал становится более масштабным, а его пространство — организованным. Каждый отрезок квартала становится достоянием определенной группы домов, с вытекающей отсюда необходимостью заботиться о нем. Становится более осмысленным введение в эксплуатацию такого комплекса как законченного благоустроенного ансамбля, не

дожидаясь осуществления строительства квартала в целом.

Необходимо подчеркнуть и другое положительное явление композиционного характера. Авторы исходили из того здравого принципа, что, несмотря на самостоятельность внутренней структуры каждого из кварталов, восприятие их со стороны улиц должно создавать впечатление улицы как единого организма.

В нашей практике легко встретить такие решения, когда каждый квартал состоит из повторяющихся по своей архитектуре домов на большом отрезке улицы. В этом случае улица, не имея акцентов, начала и завершения, теряет цельность ансамбля, ибо становится всего лишь механической суммой домов. Но есть и такие случаи, когда каждый квартал подчеркивается в середине осью симметрии. В этом случае налицо «разрушение» улицы, которая становится лишь суммой отдельных кварталов.

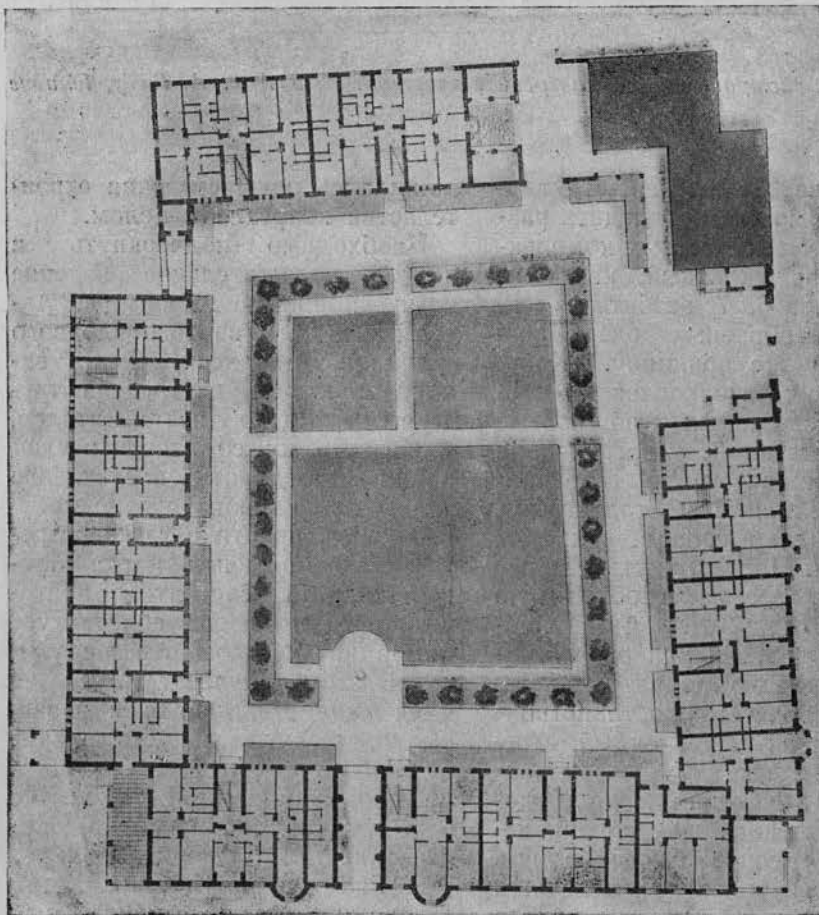

План застройки первой очереди в квартале № 6. Руководитель К. С. Алабян. Автор арх. М. И. Синявский

Не исключая возможности применения подобных принципов в определенных случаях (поселок в лесу и др.), следует указать, что в рассматриваемом нами случае авторы показали образец иной, классической трактовки композиции улицы. Отсутствие ложных осей симметрии, естественный переход одного дома в другой, многообразие приемов в очерчивании периметра улицы, наличие

пропорций в длине домов, разрывов — все это создает ощущение легкости движения, органичности, повышенного интереса к улице как единому целому.

Этот принцип последовательно проведен по всем улицам: Саратовской, Вокзальной, проспекту Сталина и др. Несмотря на необходимость сохранения ряда старых зданий, кварталы прорисованы без ощущения натяжки

План застройки части квартала № 7. Руководитель К. С. Алабян. Автор арх. М. И. Синявский.

(кварталы № 1, 2, 3, 5), разнообразно, без затесненности дворов. При этом, если в сторону магистралей кварталы намеренно плотно застроены, то, например, по Саратовской улице они больше раскрыты, учитывая жилой характер улицы.

Ориентация не на отдельно взятый дом или квартал, а на целый ансамбль города, принципиальный градостроительный подход авторов дал в итоге не мертвую схему, а живой организм застройки района города.

Резонно поставить вопрос: в какой мере достижению этого принципа помешало бы использование двух-трех одинаковых по габариту домов? Конечно, наличие одной-двух типовых жилых секций — достаточное облегчение для строительства, немислимого сейчас вне рамок индустриализации и, возможно, поточного метода осуществления. В значительной степени облегчилась бы организация строительства при повторяемости домов, например, в малоответственных, внутренних пространствах кварталов, где как раз необходимо сдерживающее начало в архитектурном оформлении.

Намеренное желание делать все дома разными, вполне обоснованное по отношению к центральным улицам, нельзя оправдать для второстепенных.

Палитра архитектора обладает достаточными красками для художественного решения повторяемых в плане домов, когда речь идет о количественном или ансамблевом факторе, а не о единичной группе домов.

Как указывалось выше, первоочередная застройка располагается в районе вокзала, центральной площади, вдоль транспортных артерий, частично и на жилой улице, проходящей, однако, к главным магистралям. Таким образом, бесспорен ответственный характер места, расположенного в центральной части города.

Находятся ли в каком-либо противоречии между собой этот ответственный характер места и скромный масштаб жилых домов в 3—4 этажа? Конечно, нет. Авторы правильно угадали реальный масштаб Сталинграда. Несомненно, что довоенные «гипергородские» увлечения пятишестиэтажными домами были не-

обоснованны. И, кроме того, дело ведь не в одной этажности. Классические примеры двух-трехэтажной архитектуры (ампир, ренессанс и др.) звучат сильнее многоэтажных доходных домов. Весь вопрос в том, какие средства авторы применяют для жилой архитектуры сравнительно невысокой этажности.

Можно ли сказать, что для архитектуры жилья необходимы во всех случаях только балкон, эркер, тяга, калитка, обрамление окна или входа? Не будет ли правильнее считать, что образ жилья может видоизменяться в зависимости от характера и значимости улицы и что не исключена возможность выдвижения проблемы «монументального жилья» для определенных градостроительных случаев?

Нам кажется, что правильно именно последнее. Главное — не функции отдельно взятых домов, а исходные градостроительные задания, установки целого, в данном случае — улиц. Эти отправные позиции удачно отражены в проектах Академии Архитектуры. Характер улицы Гоголя не похож на архитектуру Саратовской улицы, а последняя отличается от Вокзальной улицы.

Архитектура жилых домов в трактовке арх. А. Пожарского выглядит строго, монументально. Здесь правильно поято место — преддверие к площади Павших Борцов.

Крупные массы стен, лишённые измельченности, внушительные магазинные витрины, оперирование вертикалями в форме колонн, пилястр — все это привело к убедительной лаконичности и некоторой парадности. Вместе с тем автор избежал возможной в таких случаях сухости и пространственного однообразия. Развертка Саратовской улицы иллюстрирует красивое раскрытие кварталов, переход от одной этажности к другой. Введе-

ние балконов, лоджий, веранд, убедительное сочетание парадности и живописности не оставляют никаких сомнений в том, что речь идет о жилье на ответственном участке города.

Образ жилища у архитекторов М. Синявского, Н. Наумовой и А. Туркенидзе иной. Здесь скорее лирический жанр; средствами выражения являются эркеры, балконы, детали обрамления входов, окон и др. В качестве основных осей композиции берется въезд или угол здания, которые на основе контрастности должны выделяться на спокойной глади стены. В общей системе Саратовской улицы простые, спокойные объемы домов, акцентированные пластичными, тонко прорисованными деталями, в каждом случае по-новому должны отображать интимность, мягкость очертаний этой жилой улицы. Группа, руководимая арх. М. Синявским, продемонстрировала необходимую в данном случае сдержанность в расстановке архитектурных акцентов и большой вкус в отображении лиричного жанра. Концепции Ренессанса оказались не чуждыми и солнечному Сталинграду. Хочется напомнить авторам о необходимости их личного участия в осуществлении проектов, ибо успех во многом будет зависеть от хорошего качества строительных работ. Неустойчивая фактура стен, учитывая резкоконтинентальный климат Сталинграда, грубость штукатурных и лепных работ могут свести на-нет замысел авторов. Очень важно настоять на особом выполнении малых форм, связывающих дома, — ворот, калиток, переходов, — без которых объем дома, как таковой, потеряет остроту, учитывая отсутствие ощутительной пластично-силуэтной трактовки.

В ином плане решает задачу арх. К. Афанасьев. Желая «осовременить» архитектуру дома, он

намеренно отказывается от принципа декора жилых фрагментов. По Саратовской улице делается ритмичное, посекционное распределение групп балконов по всей высоте дома. В своей попытке к правдивому изображению функции жилья он ограничивает себя одной темой балкона, но компенсирует простоту средств архитектуры цветом, силуэтностью, пластично-скульптурными элементами.

Необходимо отметить, что хотя эта попытка освежить архитектуру современными средствами до конца не доведена, чувство известной неудовлетворенности смягчается разнообразием пространственной организации Саратовской улицы. Что касается архитектуры Вокзальной улицы, то она определенно не удалась. Здесь транспортная магистраль — это иная тема. Автор заблуждается, если полагает, что одного только наличия магазинов достаточно для выражения иной темы. Между тем автор ограничил себя и повторил ту же тему, что и на чисто жилой Саратовской улице.

Примером блестящего перехода от одной темы к другой является дом по Вокзальной улице, в квартале № 6 (автор М. И. Синявский). Здесь образ более сдержанный, менее лиричный в силу отсутствия живописи и введения строгого ритма членений. Для транспортной магистрали правильно найден жанр жилого дома.

В заключение следует выразить сожаление о том, что комплексы первой очереди не дают законченного отрезка улицы. Вследствие этого застройка в течение долгого времени будет зрительно восприниматься как беспорядочное сочетание домов. Следовало бы более целеустремленно стремиться к скорейшему осуществлению полной застройки Саратовской и Вокзальной улиц.

ЖИЛЫЕ КВАРТАЛЫ В ЦЕНТРЕ СТАЛИНГРАДА

А. Пожарский

Новое жилищное строительство начинается в Сталинграде с микрорайона, расположенного в самом центре города, на территории бывшего Преображенского предместья.

Старый Царицын развивался по радиально-кольцевой системе. Вокруг крепости, огражденной башнями и стенами, возник по полукольцу от нее ряд предместий — Александровское, Казачье, Преображенское и др. Некоторые из них, например Александровское и Казачье, расположенные выше и ниже крепости, слились потом системой своих улиц с растущим городом. С Преображенским предместьем этого не случилось. Расположенные под углом к основной уличной сетке, лежащей параллельно и перпендикулярно течению Волги, улицы и переулки Преображенского предместья нарушали планировочную систему центра Сталинграда, являясь своего рода анахронизмом. Поэтому генеральный проект планировки Сталинграда, считаясь с его исторически сложившейся архитектурно-планировочной системой линейного города и с основными направлениями крупных магистралей, реконструирует бывшее Преображенское предместье. Здесь лондонило «хирургическое» мероприятие — трассировка отдельных улиц и проездов, перерезывающих существовавшую сетку улиц. К таким улицам относятся и улица Саратовская; она на значительном отрезке пробивается заново, получая выход на центральную административную площадь города — площадь Павших Борцов. Вокзальная улица, выводящая основную поперечную магистраль города к Волге, соединяет железнодорожный вокзал с пристанью.

Таким образом, планировочно ликвидируется весь район бывшего Преображенского предместья, что является несомненно крупным достижением генерального плана города. Образуются главные улицы этого микрорайона Сталинграда (района Саратовской улицы), который в первую очередь будет застраиваться жилыми домами.

Район Саратовской улицы состоит из восьми кварталов. Он ограничен с одной стороны улицей Гоголя — короткой улицей, протяжением в 200 м, которая соединяет Вокзальную площадь, или площадь Оборон Царицына, с площадью Павших Борцов. С другой стороны район ограничен проспектом Сталина, который по проекту является центральной продольной архитектурной осью города и застраивается административно-общественными зданиями. С двух других сторон границей района служит бульварное полукольцо, охватывающее центральную часть города и выходящее на набережную реки Волги.

В первой стадии проектирования района Саратовской улицы (фор-эскизный проект района) были не только намечены основные принципы застройки жилого района, но и определены основные жилые комплексы.

В разработке эскизных проектов отдельных жилых комплексов приняли участие архитекторы М. И. Сиявский (руководитель группы), К. Н. Афанасьев, Н. А. Наумова, А. Е. Пожарский и А. Г. Туркенидзе, под общим руководством действительного члена Академии Архитектуры СССР К. С. Алабяна.

Какие же принципиальные вопросы подлежали учету и разрешению о проектах первоочередного строительства в Сталинграде?

Это, прежде всего, вопросы, связанные с географическими и климатическими особенностями Сталинграда. Климат его резкоконтинентальный, сухой, с обилием солнца и ветров. По количеству солнечных дней Сталинград лишь немного уступает Ташкенту и Баку, а по осадкам Сталинградскую область можно приравнять к полусухим штатам Америки.

В силу этих природных особенностей Сталинграда возникает необходимость устройства небольших открытых, полузакрываемых и замкнутых дворов, создающих тень и прохладу, что вызывает разницу температур и, следовательно, движение воздуха. Желательно

также устройство в домах лоджий и балконов, террас и веранд, образующих дополнительную тень.

Характер застройки жилого района обусловлен необходимостью полного обслуживания микрорайона подсобными, школьными, детскими и другими учреждениями. Сюда же относятся и открытые места общественного пользования — озелененные двory, являющиеся как бы внутриквартальными скверами, сады, бульвары и т. д. Принципиальная суть этого вопроса заключается в полном охвате всего населения — взрослого, школьного, дошкольного и престарелого — всеми видами обслуживания. Проектировщики района Саратовской улицы ставили перед собой задачу обеспечить население макрорайона достаточным количеством школ, детских садов и детских яслей, открытых озелененных пространств и внутриквартальных скверов, продуктовых, промтоварных и хозяйственных магазинов, аптек, парикмахерских, косметических и парфюмерных магазинов, ресторанов, кафе и различных павильонов.

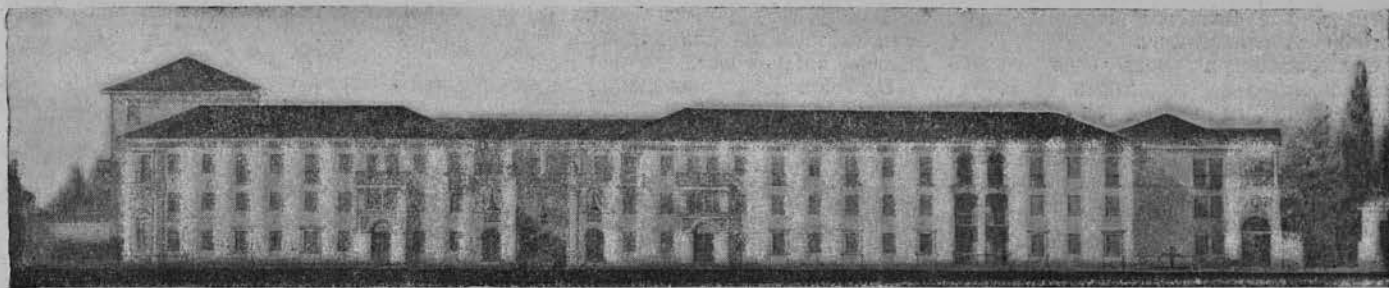
Внедрение современного передового благоустройства в жизнь города означает также устройство усовершенствованных уличных покрытий, ливневой канализации, подземного хозяйства, озеленения улиц с устройством ограждений и т. д. Для жилых зданий это означает теплофикацию и газификацию, обеспечение комфорта и максимальных удобств внутри квартир.

Наконец, последняя группа вопросов, подлежащая разрешению в проекте застройки, — это включение в район учреждений общегородского значения. К таким учреждениям относятся новый оперный театр, несколько кинотеатров, общегородская гостиница, общегородской универсам и т. д.

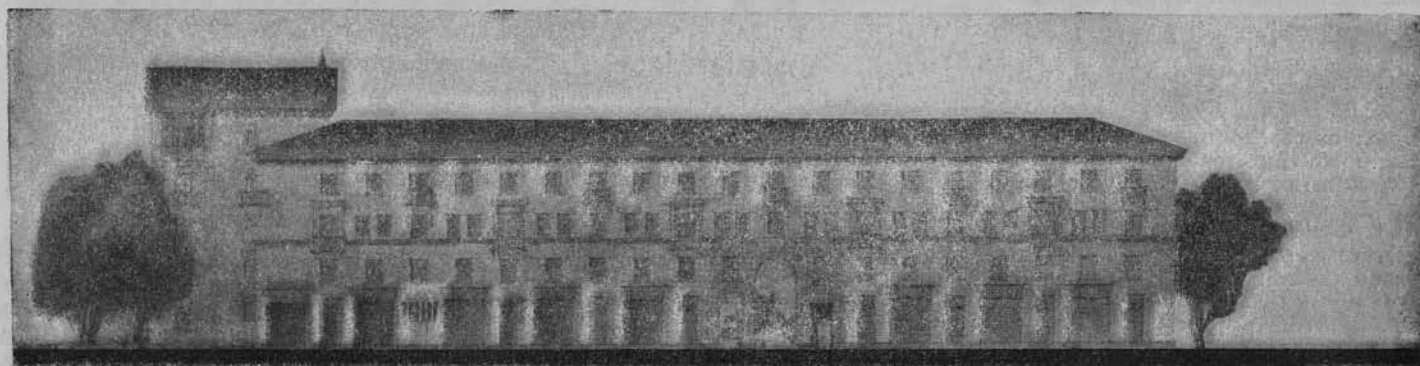
При конкретном решении плана застройки квартала приходилось считаться с количеством разрушенных и полуразрушенных зданий, являющихся, согласно генеральному плану, опорными, а также с теми зданиями, которые, ввиду острой жилищной нужды в Ста-

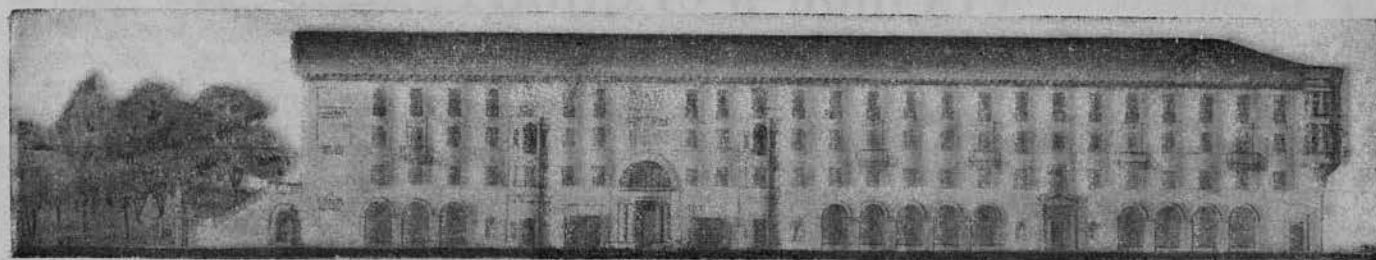
Фасад по Курской улице. Арх. М. И. Сиявский

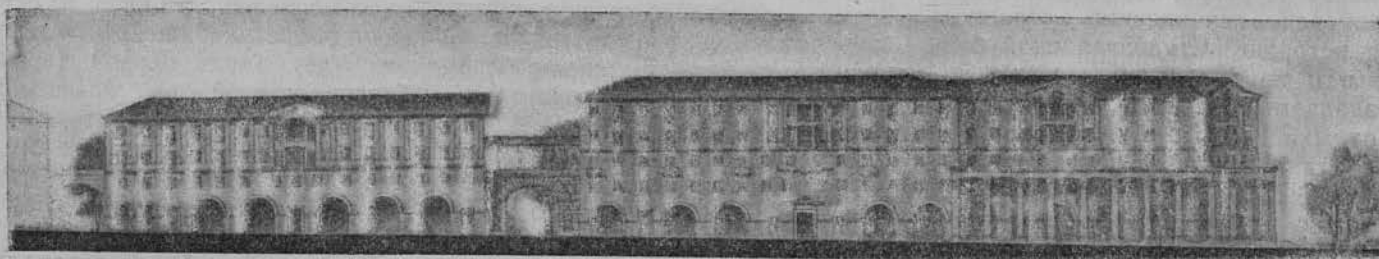
Фасад по Саратовской улице. Арх. Н. А. Наумова

Фасад домов со стороны Вокзальной улицы. Арх. К. Афанасьев, И. Логачева и Ф. Розенфельд

Фасад по Вокзальной улице. Арх. А. Г. Туркенидзе

Фасад домов по ул. Гоголя. Арх. А. Е. Пожарский

линграде, уже были восстановлены для постоянного пользования.

Саратовская и Вокзальная улицы расположены на территории бывшего Преображенского предместья с его диагональной сеткой улиц, застроенных довольно интенсивно. Это обстоятельство значительно усложнило работу проектировщиков. Так, в кварталах № 2 и 5 оказалось большое количество опорных зданий, стоящих под разными углами к проектируемой новой сетке улиц, кварталы № 1, 2, 5 и 6 пересекаются старой уличной сеткой, имеющей асфальтовое покрытие и подземные коммуникации. Все это, создавая трудности, заставляло авторов искать новые пространственные композиции.

Квартал № 1 (автор — архитектор А. Е. Пожарский) дан в виде системы четырех относительно замкнутых дворов, располагаемых вокруг центрального школьного двора, где имеется здание школы, которая обслуживает нужды населения 1 и 5 кварталов. В этом дворе — большой школьный сад, площадка для спорта. Первая очередь строительства квартала ограничивается пятью жилыми домами; два дома расположены на Вокзальной улице, два — на Саратовской, один — на улице Гоголя. Фасады домов, выходящих на магистральные Вокзальную и Гоголевскую улицы, более парадны, торжественны. Со стороны Саратовской улицы они более интимны. Этому способствует также большой курдонер. Первая очередь строительства в квартале № 1 включает 180 двухкомнатных и трехкомнатных квартир, с кубатурой около 110 тыс. м³.

В квартале № 2 — пять жилых домов первой очереди (авторы — архитекторы К. Афанасьев, И. Логачева,

Ф. Розенфельд), расположенных на углу и образующих два двора, пространственно ограниченных.

Большой двор свободно раскрыт в сторону Саратовской улицы, соединяя, таким образом, пространство улицы с внутренним, более интимным по характеру пространством жилого двора. Это несомненно влияет на характер Саратовской улицы, которая предназначена исключительно для застройки жилыми домами. Магазины расположены здесь только в первых этажах домов, выходящих на Вокзальную улицу. Фасады домов просты, насыщенность балконами и лоджиями подчеркивает образ жилой архитектуры.

В квартале № 3 строительство первой очереди ограничивается только восстановлением существовавшей школы на углу Курской и Саратовской улиц.

Кварталы № 4 и 8 разрабатываются проектной мастерской Управления Главного Архитектора города Сталинграда. Застройщиком этих кварталов является Городской Исполнительный Комитет.

Квартал № 5 — чрезвычайно сложный и ответственный, так как он, выходя на центральную площадь города, перерезан рядом старых улиц и имеет несколько опорных зданий (в том числе здание универмага, где был взят в плен фельдмаршал немецко-фашистской армии Паулюс).

Строительство первой очереди квартала состоит из трех жилых зданий (автор — архитектор А. Г. Туркенидзе), расположенных со стороны Вокзальной улицы и образующих два самостоятельных жилых двора. Композиция образует курдонер со стороны Вокзальной улицы, который пространственно является переходным звеном к

дворам, расположенным по обе стороны от него.

В квартале № 6 строительство первой очереди состоит из группы жилых домов, выходящих в сторону Саратовской улицы (автор — архитектор М. И. Синявский). Жилые дома образуют два двора, разные по величине и отделенные один от другого галереями и павильонами. Со стороны Саратовской улицы застройка образует курдонер с выходящими к нему террасами, лоджиями и балконами. Архитектура домов по Саратовской улице выразительна; архитектурные акценты подчеркивают направление к площади Павших Борцов. Угловой дом, выходящий на Вокзальную улицу, имеет в первом этаже магазин.

В квартале № 7 строительство первой очереди состоит из двух комплексов жилых домов, образующих два самостоятельных двора (авторы — арх. М. И. Синявский и арх. Н. А. Наумова), разделенных между собой проходом к детским учреждениям, расположенным в глубине квартала. Дворы, находящиеся в югозападной и в северо-восточной частях квартала, почти одинаковы по площади. Проектировщики считают эти дворы по размерам и планировке оптимальными.

Так запроектировано начало нового жилищного строительства в Сталинграде. На архитекторах, проектирующих и строящих Сталинград, лежит большая ответственность за правильное решение функциональных, экономических, конструктивных и других задач, связанных с созданием образа новой, советской жилой улицы в Сталинграде. Работа группы архитекторов Академии Архитектуры СССР является первым этапом на пути разрешения этой задачи.

СТАДИОН В СТАЛИНГРАДЕ

Н. Былинкин

Мастерская действительного члена Академии Архитектуры СССР Н. Я. Колли закончила проект большого физкультурного комплекса Сталинграда (авторы Н. Я. Колли, В. Б. Вольфензон, и В. В. Калинин), основным элементом которого является спортивный стадион. Он занимает около 46 га. Эта территория расположена на промежуточной террасе берега Волги, у подножья Мамаева Кургана, где наши бойцы вписали героические страницы в историю Сталинградской битвы, и по соседству с вновь создаваемым парком культуры и отдыха.

Стадион имеет непосредственный выход к Волге и, таким образом, получает возможность присоединить ко всем видам спорта также и водный.

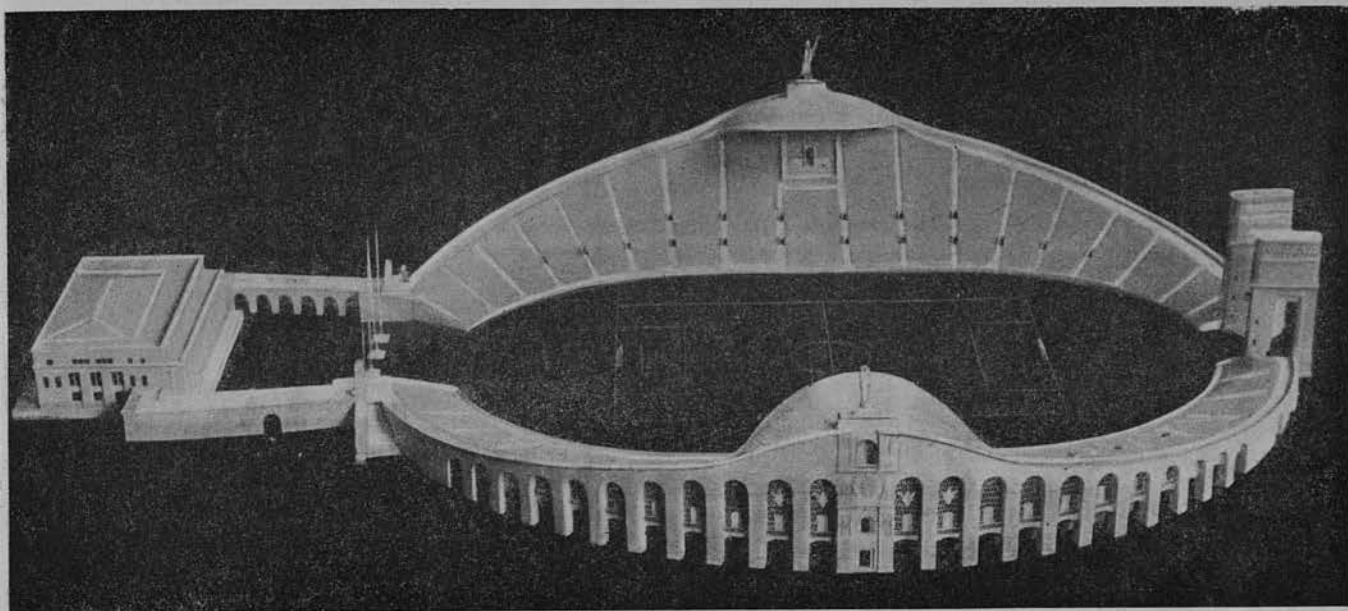
Место для стадиона и комплекса физкультурных и других сооружений определено генеральным планом Сталинграда, созданным бригадой архитекторов во главе с действительным членом Академии Архитектуры К. С. Алабяном. Когда-то на этом месте, отрезая город от реки, была расположена нефтебаза. Помимо того, что расположение этой базы в центре жилых районов Сталинграда противоречило всем санитарно-гигиеническим требованиям, она отнимала большую по протяжению линию берега реки Волги у городских жителей.

Размещение физкультурного комплекса в данном месте существенно исправляет недостатки старого плана города и создает красиво разработанный выход к

природе, объединяя в одну архитектурную композицию парк культуры и отдыха, Мамаев Курган и собственно физкультурный комплекс.

Территория стадиона связана с жилыми районами города двумя магистралями, идущими параллельно Волге. Верхняя представляет собой основную транспортную магистраль города; ее поперечный профиль обеспечивает доставку к стадиону больших масс зрителей. Нижняя имеет в виду менее напряженный график; она идет вдоль первой террасы берега, и всей ее композиции придан парковый характер. Верхняя и нижняя магистрали соединены проездами по северовосточной и югозападной границе территории комплекса.

Вдоль верхней и югозападной

Проект стадиона в Сталинграде. Макет. Арх. Н. Я. Колли, В. Б. Вольфензон, В. В. Калинин

магистрали расположены специальные площадки для стоянки автомобилей и автобусов. Около центрального входа на территорию физкультурного комплекса — разгрузочная площадка. Эта площадка, пересекающая верхнюю магистраль, дает возможность хорошо организовать в дни состязаний движение потоков машин и пешеходов, образуя одновременно своеобразный кассовый вестибюль, сквозь который должны проходить большие массы посетителей. Эта аванплощадь хорошо оборудована поставленными по движению кассами и многочисленными турникетами.

Пройдя через главный вход, посетители попадают на центральную площадь физкультурного комплекса. Площадь пространственно соединяет все внутренние пути, подобно внутреннему вестибюлю театрального здания.

Главный стадион, зимний плавательный бассейн, береговые устройства водного спорта, группа помещений физкультурного комплекса — все легко и логично соединяет эта площадь.

Главное во всем комплексе — стадион. Прием и эвакуация посетителей — центральная и сложная задача функциональной схемы всякого стадиона. Эта задача решена прекрасно. Два мощных полукружия широких до-

рог — променадов — охватывают стадион, подводя каждого посетителя к нужному ему входу.

На территории физкультурного комплекса размещены стадион с трибунами на 40 тыс. человек, спортивные площадки и тренировочные поля нормального спортивного ядра, зимний бассейн для плавания, летний бассейн для плавания, физкультурный техникум, демонстрационный теннисный корт, павильон для обслуживания физкультурников с гимнастическими залами тяжелоатлетического спорта.

Главная часть комплекса, его архитектурный и функциональный центр — стадион.

Долевая ось стадиона расположена ССВ—ЮЮЗ, т. е. занимает благоприятное положение. Концы оси закреплены с южной стороны двумя пилонами, примыкающими к трибунам, а с северной стороны — павильоном физкультурников.

Вся организация стадиона и всего комплекса рассчитана на проведение больших спортивных областных, республиканских и международных соревнований по футболу и легкой атлетике.

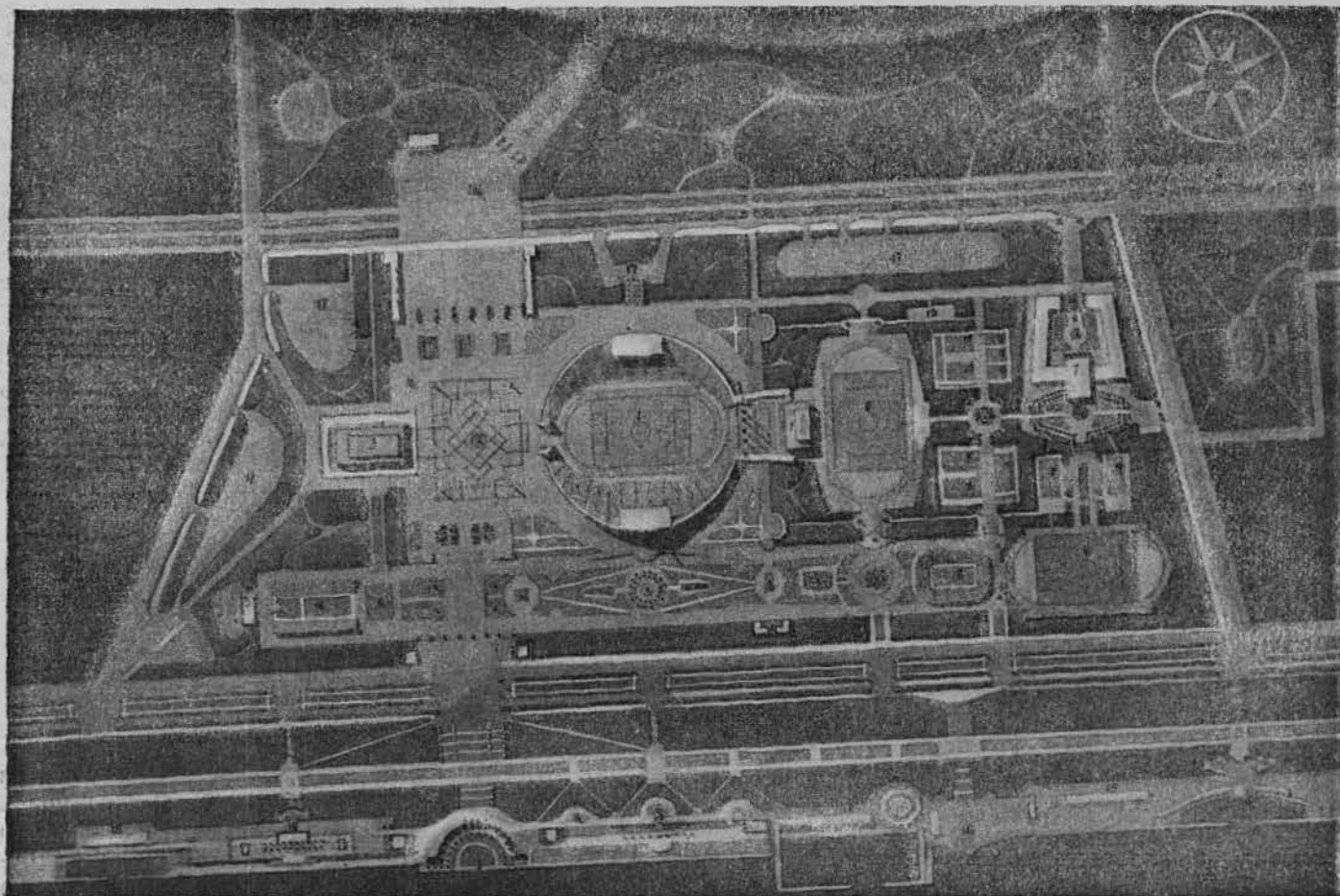
Эти предпосылки, которые авторы положили в основу построения функционального плана стадиона, несомненно правильны. Сталинград, ставший всемирно прославленным городом, бесспорно в будущем станет ме-

стом туризма и экскурсий для передовых людей земного шара. Не приходится сомневаться, что каждая спортивная команда будет считать честью выступить на стадионе героического города.

Но наряду с этим у большого города, с четырехсоттысячным населением, имеются повседневные физкультурные потребности и есть необходимость в проведении большой воспитательной и тренировочной физкультурной работы. Вот почему на этой же территории расположен физкультурный техникум на 400 учащихся со своими спортивными и тренировочными полями.

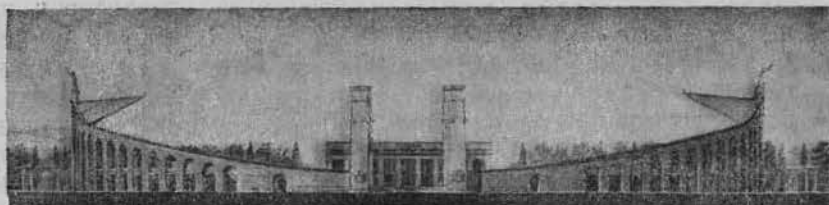
Расположенные за павильоном основного стадиона тренировочные поля, игровые площадки, малый стадион физкультурного техникума и его площадки даны в таком сочетании, которое позволяет включить все эти предприятия для размещения многотысячной армии физкультурников в дни парадов, подготовить их игровые колонны и провести эти колонны без толкотни через физкультурный павильон на арену, чтобы после упражнений вывести из стадиона через его широкий проход, обработанный монументальными пилонами.

Таким образом, в дни физкультурных празднеств все физкультурные устройства за северной вершиной стадиона работают как весьма необходимые за-

Генеральный план физкультурного комплекса в Сталинграде. Арх. Н. Я. Колли, В. Б. Вольфензон, В. В. Калинин (1945):

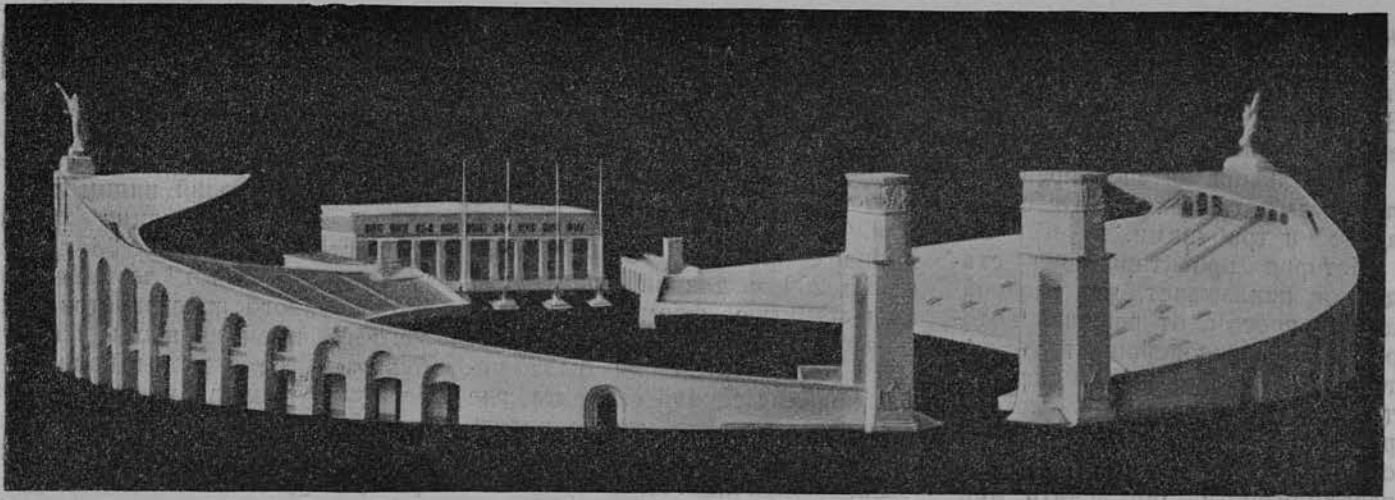
1—центральная арена с трибунами; 2—павильон физкультурников; 3—зимний бассейн для плавания; 4—летний бассейн для плавания; 5—павильон; 6—демонстрационный теннисный корт; 7—техникум физкультуры; 8—тренировочные арены; 9—теннисные корты; 10—баскетбольные площадки; 11—волейбольные площадки; 12—городошные площадки; 13—гимнастический городок; 14—кафе; 15—станции плавания и гребли; 16—маяк; 17—стоянки автомашин

Вид стадиона со стороны Центральной площади

Боковой фасад стадиона со стороны реки Волги

Стадион в Сталинграде. Макет

кулисные помещения, которые позволяют подготовить массовые колонны участников великолепных спортивных праздников.

Наличие боковых широких променадов, идущих вдоль стен стадиона и служащих, как мы указали выше, для движения зрителей, одновременно позволяет развести колонны физкультурников — участников физкультурного парада, вернув их к исходным позициям, в рабочую часть физкультурного комплекса.

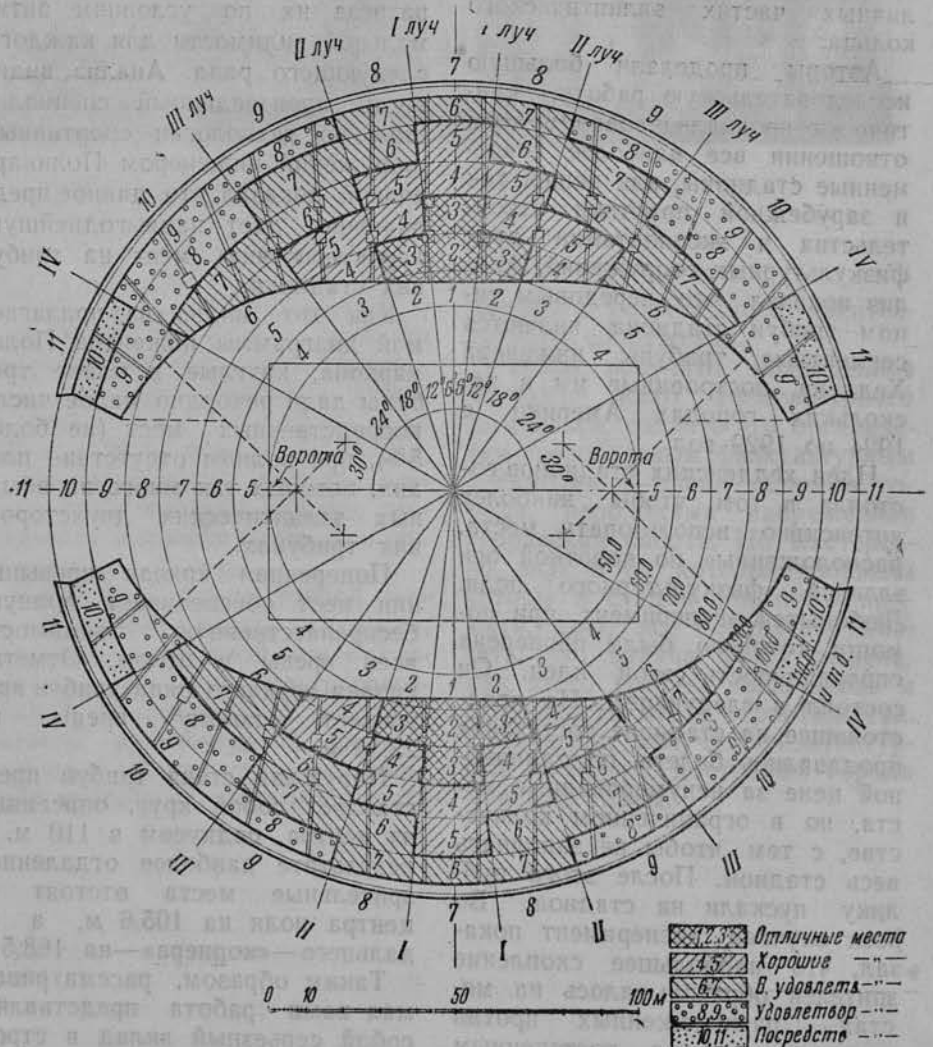
Вдоль восточной границы стадиона, на бровке береговой террасы, разбит красиво скомпонованный партерный променад, позволяющий организовать стык физкультурников и зрителей. Он соединен путем выразительно разработанных спусков с нижней береговой линией, вдоль которой расположены устройства речного водного спорта.

Все это убеждает в большом внимании, которое уделили авторы функциональной стороне плана, создав четкую, экономную схему движения зрителей и спортсменов и обеспечив многостороннюю работу отдельных элементов физкультурного комплекса.

Композиция плана выразительна и красива. Сохраняя свою индивидуальность, она подчинена общей идее генерального плана города, композиция которого строилась на основе учета всего своеобразия рельефа Сталинграда, его сложившейся в основных направлениях планировочной структуры и такого могучего природного фактора, как является Волга. Эта органическая

связь с генеральным планом города бросается в глаза при взгляде на общий рисунок генерального плана стадиона. Еще не зная назначения отдельных зданий этого плана, мы ясно и четко читаем основные линии

движения человека в этом комплексе. Мы сразу уясняем себе развитие архитектурной композиции от второстепенного к главному, что отличает всякое серьезное архитектурное произведение; мы видим, как ясно выра-

Характеристика Сталинградского стадиона на 40 000 мест

жена всеми архитектурными средствами: долевая ось композиции, которая легла по течению Волги, как и весь город, как и его прибрежные ансамбли.

Наибольший интерес представляет сам стадион с его спортивной ареной и трибунами.

История проектирования стадионов показывает, что главным вопросом, от решения которого зависит совершенство спортивного поля и трибун для зрителей, является выбор системы расположения трибун, с учетом общей вместимости стадиона и необходимости обеспечить максимальному количеству зрителей оптимальные условия видимости происходящего на арене.

Авторы в решении этой основной задачи отказались от шаблонных приемов двухстороннего расположения трибун по кривым эллиптического очертания. Дело в том, что подобного рода расположение трибун создает чрезвычайно неравные условия для зрителей, находящихся в различных частях эллиптического кольца.

Авторы проделали большую исследовательскую работу, критически проанализировав в этом отношении все наиболее современные стадионы, как нашей, так и зарубежной практики строительства и эксплуатации этих физкультурных сооружений. Анализ показал, что передовым типом трибун стадиона являются сегментные трибуны инженера Хеддена, построенные им в нескольких городах Америки с 1924 по 1929 год.

Идея хедденских стадионов состояла в том, чтобы наиболее интенсивно использовать места, расположенные по короткой оси эллипса физкультурного поля. Любопытен эксперимент, при помощи которого была проверена справедливость этой идеи. Он состоял в следующем. На предстоящее на стадионе состязание продавались билеты по одинаковой цене за нумерованные места, но в ограниченном количестве, с тем чтобы не заполнять весь стадион. После этого публику пускали на стадион. Во всех случаях эксперимент показал, что наибольшее скопление зрителей образовывалось на местах, расположенных против центра поля, с постепенным уменьшением к концам его оси.

Следуя результатам этого эксперимента, отчетливо выявившего оптимальные в плане очертания расположения мест для зрителей, Хедден и сочинил свои сегментные трибуны. Но недостаток его решения состоял в том, что вытянутая арена стадиона с прямой беговой дорожкой в 200 м длиной определила и вытянутую форму трибун с большим количеством плохих мест. Особенно плохи были места крайних секций сегмента, где зрители, для того, чтобы видеть происходящее на арене, должны были поворачивать голову в сторону до 60°.

Советские архитекторы поставили себе задачу добиться оптимального построения трибун, форма которых гарантирует наибольшие удобства зрителю.

Тщательно исследуя лучшие типы современных стадионов, Н. Я. Колли пришел к идее построения круглых в плане и замкнутых по всему периметру трибун, с построением поперечного разреза их по условиям оптимальной видимости для каждого следующего ряда. Анализ видимости, произведенный специалистом по технологии спортивных сооружений инженером Поликарповым, показал, что данное предложение дает наиболее выгодную характеристику мест на трибунах стадиона.

Как это видно из прилагаемой диаграммы инженера Поликарпова, круглые в плане трибуны дали рекордно малое число посредственных мест (не более 5%), при полном отсутствии плохих, которых так много на обычных эллиптических двухсторонних трибунах.

Поперечная кривая превышения мест обеспечивает полную, беспрепятственную видимость всей арены в целом. Отметка уровня верхнего ряда трибун превышает отметку арены на 22,38 м.

Наружная стена трибун представляет собой круг, описанный из центра, радиусом в 110 м. В результате наиболее отдаленные зрительные места отстоят от центра поля на 105,6 м, а от дальнего — «корнера» — на 168,5 м.

Таким образом, рассматриваемая нами работа представляет собой серьезный вклад в строительство физкультурных стадио-

нов в нашей стране, где спорт пользуется такой любовью народа. Разработанная авторами система устройства стадиона имеет большое будущее, так как она решает задачу создания зрителю наилучших условий видимости.

Загрузка и эвакуация трибун осуществляются через 36 люков, к которым ведут лестницы из подтрибунного пространства. Кроме того, имеются входы на трибуны и со стороны павильона физкультурников и со стороны пилонов, оформляющих вход на стадион, у главной площади физкультурного комплекса. В этих местах загрузка и эвакуация осуществляются по верхнему пандусу и нижнему проходу.

Количество мест в секциях между проходами, ширина главного пандуса, проходов, люков и лестниц рассчитаны так, чтобы не превышать их загрузки.

В западной и восточной частях трибун размещены входы к ложам почетных гостей, для обслуживания которых имеются лифты и лестницы.

Подтрибунное пространство не отапливается. Оно разделено на три яруса. В первом ярусе расположены различного рода киоски, обслуживающие многочисленных посетителей. Второй ярус с успехом может быть использован для укрытия зрителей во время дождя или в качестве летнего общежития для больших физкультурных слетов. Помещение третьего яруса использовано под аванложи и фойе при почетных местах.

Средняя, центральная часть западной и восточной трибун защищена специальными железобетонными козырьками, предохраняющими значительную часть посетителей от дождя и солнца. С другой стороны, эти козырьки могут быть использованы для постановки на них радиорепродукторов и осветительной аппаратуры. Козырьки представляют собой пространственную жесткую железобетонную оболочку, консольно закрепленную в железобетонных конструкциях стены.

Верхнее покрытие мест для сидений запроектировано из пластмассы. Введение различного цвета пластмассы даст возможность быстро ориентировать посетителей в расположении соответствующего ряда.

Стадион в Сталинграде. Макет

Большим принципиальным вопросом для авторов была проблема архитектурного образа сооружения.

Авторы отнеслись к этой задаче с чувством большой ответственности. В самом деле, ведь здесь собираются огромные массы народа, одновременно присутствует свыше 40 тыс. человек. Пластический язык архитектурных форм стадиона как громадного общественного сооружения должен быть языком эпическим и монументальным. С массой народа в 40 тыс. человек нельзя разговаривать языком лирики,

нужен язык торжественный и строгий. В простоте и четкости тектонически правдивого построения мощной аркады — стены, в постепенном нарастании мягкой кривой ее подъема и спуска, в монументальных пилонах осевого входа авторам удалось реализовать выразительную и монументальную форму.

Свободный вынос тонкой железобетонной плиты козырька, зажатого в мощной стене стадиона, — сочетание ультрасовременной конструкции с монументальной архитектурной формой сообщает облику стадиона большую остроту и выразительность

подлинно современного архитектурного сооружения.

Чтобы получить полноценное звучание всего физкультурного комплекса, сделать его органически своеобразным физкультурным ансамблем в плане великого города, необходима напряженная творческая работа. Но мастерство, вкус и ум, которые проявили авторы в стадии эскизного проекта, дают все основания полагать, что задача будет решена, как этого требует наша эпоха и особенность места строительства. Сталинград получит физкультурный комплекс, достойный города мировой славы.

ЦЕНТР БУДУЩЕГО ВОРОНЕЖА

Л. Руднев, И. Ткаченко

Воронеж возник на высоком живописном берегу реки, удобном для наблюдения. К воронежскому кремлю, построенному в XVII веке, подходили с северо-запада, запада и северо-востока дороги из Москвы, Рязани и Тамбова, ставшие впоследствии основными магистралями города.

При Петре I, который в 1696 году учредил в Воронеже верфь для строительства азовского флота, центр административной и общественной жизни перемещается с высокого берега к воде. Здесь строятся деревянные дворцы, верфь, адмиралтейство, цейхгауз, гауптвахта, фабрики, производящие канаты, паруса и пушки, и т. д.

Послепетровский период характеризуется тем, что центр города опять перемещается наверх, к монастырю, который обносится кирпичной стеной с башнями. Две из этих башен в полуразрушенном состоянии сохранились до нашего времени.

После пожара 1771 года, истребившего в Воронеже 250 домов, 158 торговых лавок и другие сооружения, составляется первый регулярный план застройки и дальнейшего развития города. По этому плану центр города уже перемещается дальше от реки и монастыря, по Московскому тракту. По главной архитектурной оси — Московскому шоссе — образуется ряд площадей, обстраиваемых административными зданиями, присутственными местами и лавками.

Эта идея композиции центра была положена в основу всего дальнейшего развития города.

В XIX и начале XX века город рос довольно медленно и застраивался хаотически. Сильный толчок его росту и быстрому развитию индустрии дала великая Октябрьская социалистическая революция: за двадцать лет город вырос почти в пять раз.

После освобождения Воронежа, почти полностью разрушенного немецко-фашистскими оккупантами, со всей остротой встал вопрос о генеральном

проекте его восстановления и о композиции его будущего центра. Генеральный проект восстановления Воронежа уже рассмотрен и одобрен Президиумом Академии Архитектуры СССР. В настоящее время творческая мастерская Академии закончила проект центральной части города.

Цель планировки центральной части города — выявить новый архитектурный облик будущего Воронежа.

Крупнейшим мероприятием, коренным образом преобразующим город, является затопление широкой болотистой поймы реки, которая ныне является рассадником малярии. В связи с этим Воронеж окажется на берегу крупного водного зеркала, что существенно изменит его лицо.

До сих пор город был отрезан от реки. После обводнения поймы он как бы приблизится к воде, озеро станет главнейшим фактором его жизни и развития.

Для связи города с рекой ряд центральных учреждений перенесен в проекте на восточный склон берега. Район центральных учреждений объединен большим бульваром, который будет создан по краю верхнего плато, как бы обрывающегося к реке. Бульвар объединит ряд садов широкой прогулочной аллеей, с которой откроются прекрасные перспективы на озеро, на левую, заречную низменную часть города и на широкие просторы вдоль реки Усмань. Бульвар должен стать любимым местом отдыха воронежцев; здесь будут распложены кафе, рестораны, павильоны, киоски, летние эстрады-раковины и различные аттракционы.

Крутые склоны от бульвара к реке покроются садами и цветниками вокруг благоустроенных коттеджей, которые заполнят эту территорию до нижней набережной. Отдельные, топографически выгодные возвышения и отроги будут заняты крупными общественными зданиями и школами.

Нижняя набережная (у самой воды), после значительных земляных работ, также превратится в место прогулок и отдыха, с по-

лосой для транспорта и автобусного движения. Часть этой набережной (в районе улицы Софьи Перовской) расчищается от застройки на ширину в среднем 100 м. Здесь будет место сосредоточения водного спорта, отдыха и купанья. В широкой полосе зелени намечены пляжи, лодочные станции, плавательные бассейны, яхт-клуб, площадки для стоянки легковых машин и — в связи с этим — ряд хороших подъездных магистралей по восточному склону.

Сюда будет примыкать большой новый парк культуры и отдыха, который создается в отраге в центре города — Стрелецком логе. Этот лог, в настоящее время хаотически застроенный, превратится в цветущий, живописный парк.

В этом месте города, на восточном склоне к озеру, создается площадь Отечественной войны, которая будет застроена культурно-просветительными и учебными учреждениями. Здесь, в частности, будет университет с комплексом институтов, лабораторий, жилых домов для студентов и профессоров, а также крупный физкультурный комплекс со стадионом по склону (с расчетом использования естественных откосов под зрительные места).

Площадь Отечественной войны располагается на самой композиционно выгодной и живописной точке города — на месте бывшего Митрофаньевского монастыря. В ансамбль площади включается часть сохранившихся архитектурно ценных зданий.

Полуразрушенное бывшее Духовное училище, приписываемое зодчему Кваренги, реставрируется и вводится в новый ансамбль площади путем пристройки круглого здания, соединенного со старым переходом. К этому комплексу со стороны архиерейских покоев пристраивается новый корпус. Бывшее Духовное училище с вновь пристроенными корпусами предполагается использовать под Музей Отечественной войны. Разрушенная во время оккупации колокольня бывшего

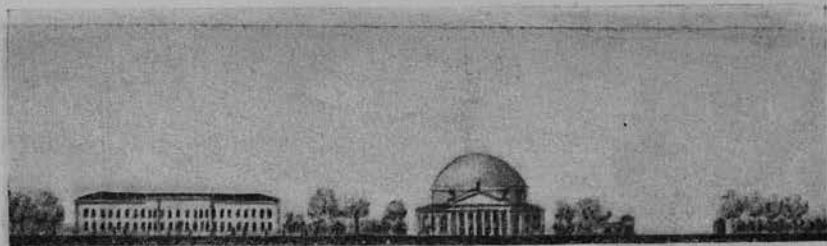
Митрофаньевского монастыря восстанавливается по первому ярусу колонн и надстраивается до прежней высоты. Частично сохранившееся рядом с колокольной здание вводится в комплекс сооружений намечаемого здесь архитектурно - художественного вуза и его мастерских. С этой стороны площадь раскрывается к реке; здесь намечены ряд скульптур и широкие лестницы-спуски на улицу Белинского. Узкая лестница, идущая вниз по логу, превращается в широкий парадный спуск к реке.

Центральная административная площадь имени 16-летия Октября трактуется как единый, самый крупный ансамбль города, решенный в строгих классических формах. Здание обкома и облисполкома решается открытым со всех четырех сторон. Со стороны главного фасада площадь замыкается достраиваемым зданием театра, а напротив — новым музеем и массивом зелени расширенного Кольцовского сквера с пропилеями, и в другом его конце — с обелиском, стоящим по осям проспекта Революции и вновь прокладываемой улицы. Площадь между этими улицами застраивается крупным зданием концертного зала (филармонии), которое, вместе с существующим драматическим театром и другими сооружениями, образует театральный квартал.

Здания по четной стороне вдоль Кольцовского сквера надстраиваются. На нечетной стороне образуется фронт пятиэтажных домов. К существовавшей здесь коробке зала кинотеатра «Спартак» пристраиваются фойе и кулуары.

Кировская улица по стороне, лежащей против здания обкома и облисполкома, так же как и сторона площади, противоположная его главному фасаду, застраивается пятиэтажными жилыми зданиями, решенными в однородном ритме чередующихся выступов.

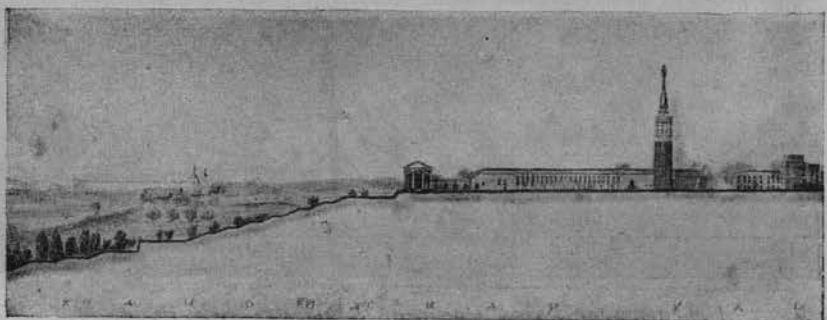
Против фасада здания обкома и облисполкома, выходящего на улицу 9-го января, создается сквер, а квартал за улицей Солнце Свободы, выходящей к Стрелецкому логу, раскрывается в середине, объединяя пространство площади с логом. Часть проспекта Революции в этом месте выходит к Стрелецкому логу в виде широкого бульвара.

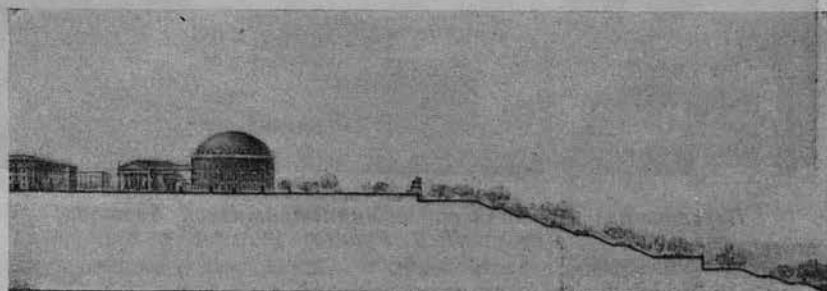
Воронеж. Ансамбль на пересечении проспекта Революции и Университетской улицы (левая сторона проспекта). Авторы В. Л. Руднев и И. В. Ткаченко

Воронеж. Ансамбль на пересечении проспекта Революции и Университетской улицы (правая сторона проспекта)

Воронеж. Ансамбль площади Отечественной войны на краю склона (левая сторона)

Воронеж. Ансамбль площади Отечественной войны на краю склона (правая сторона)

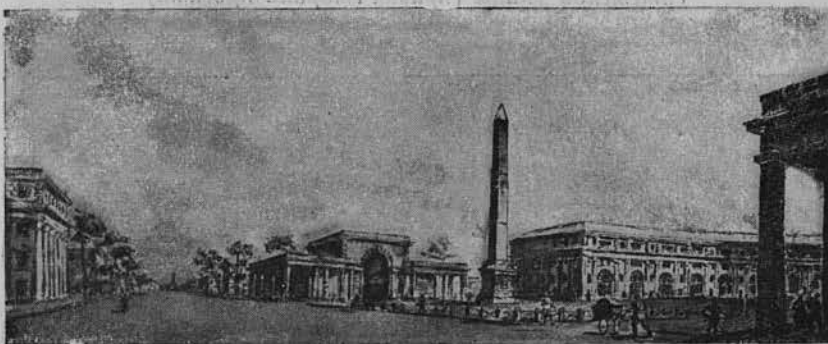
На Никитинской площади с одной стороны реконструируются здания Госбанка и драматического театра, а с противоположной стороны, между улицами Пушкинской и Карла Маркса, строится Дом писателей. Боковая сторона, у кинотеатра «Пролетарий», застраивается новым четырехэтажным зданием, а напротив полукруг-

лое здание универмага превращается в круглое.

На Вокзальной площади (площадь им. Черняховского) возникнут новые трехэтажные здания (административные, медицинский институт и гостиница), в том числе новый вокзал. В центре площади разбиваются партерная зелень и площадки для стоянки машин.

Перспектива новой Университетской площади. Л. В. Руднев

Перспектива новой торговой площади. Л. В. Руднев

*Перспектива Центральной административной площади.
Л. В. Руднев*

Проспект Революции являлся той главной планировочной осью в общем плане города Воронежа, вокруг которой развивалась его уличная сеть. По плану 1773 года он имел решение односторонне застроенной улицы, проложенной по бровке восточного склона. Однако стихийный, беспланный рост строительства, в особенности с конца XIX и начала XX века, превратил его в улицу с двухсторонней застройкой, оторванную от живописного склона, выходя-

щего на реку, и от самой реки. Дореволюционная застройка улицы была чрезвычайно пестрой как по этажности, так и по архитектуре. Усиленное строительство в советские годы значительно изменило вид улицы: появились многоэтажные здания общественного значения, а также большие жилые дома.

Общий принцип, положенный в основу проекта застройки, состоит в том, чтобы максимально раскрыть проспект Революции к озеру, к прирде.

Левая сторона (фасадами к реке) сохраняется в прежних красных линиях; фасады домов, уцелевших после оккупации, по возможности восстанавливаются и реконструируются. Строится и ряд новых зданий.

Правая сторона, от путепровода через железную дорогу до спуска Помяловского, максимально раскрывается к реке и не застраивается. Спуск Помяловского сходит к реке в виде длинного сада; от этого спуска до площади 10-летия Октября во фронте застройки (кроме улиц) делается ряд разрывов — выходов на бровку к бульвару, к зелени, к озеру.

Проспект начинается памятником на Центральной площади и заканчивается памятником на площади у путепровода.

Против Дома связи на проспекте пробивается трасса — начало нового Никитинского полукольца. Это бульвар в 56 м шириной, который создает обходное движение вокруг Центральной площади, используя расширенную Никитинскую улицу, и выходит к головной части Стрелецкого лога, спускаясь в него и выходя к озеру. Бульвар будет «зеленым каналом», вытекающим из парка Стрелецкого лога и обтекающим центр.

Плехановская улица, переходящая в Задонское шоссе, является основной транзитной магистралью, выходящей на шоссе в Москву. Проект предусматривает застройку парадного отрезка этой улицы (от Центральной площади до площади Отечественной войны) крупными зданиями с парадным архитектурным решением фасадов, а также две широкие полосы зелени у тротуаров.

Все существующие зеленые массивы общественного пользования сохраняются.

Кроме уже описанных зеленых массивов, запроектированы партерные сады на новой Университетской площади (Мясная гора) и на Вокзальной площади (партерная зелень с частичной обсадкой деревьями).

Таков в общих чертах проект центра Воронежа. Вопросы транспорта решены в нем с учетом всех последних достижений в этой области.

А. Таманян. Дом правительства Армянской ССР в Ереване. Общий вид

ДОМ ПРАВИТЕЛЬСТВА АРМЯНСКОЙ ССР В ЕРЕВАНЕ

Ю. Яралов

Дом правительства Армянской ССР в Ереване — выдающееся произведение советской архитектуры. Это здание, отмеченное высшей творческой наградой — Сталинской премией по архитектуре за 1943 год, представляет собой плод глубоких исканий большого мастера, направленных к созданию новой архитектуры Советской Армении.

Академик архитектуры А. И. Таманян был не только автором проекта Дома правительства, но и автором планировки города Еревана. Это обстоятельство явилось одним из факторов, определивших место и значение Дома в общем ансамбле главной площади и города в целом.

Площадь Ленина, на которой расположен Дом правительства, по своим очертаниям представляет собой сопряжение эллипса с трапецией. Одну из сторон этой трапеции и отрезок кривой эллипса занимает Дом правительства.

Главный фасад, выходящий на эллипсовидную часть площади, решен в мощных членениях.

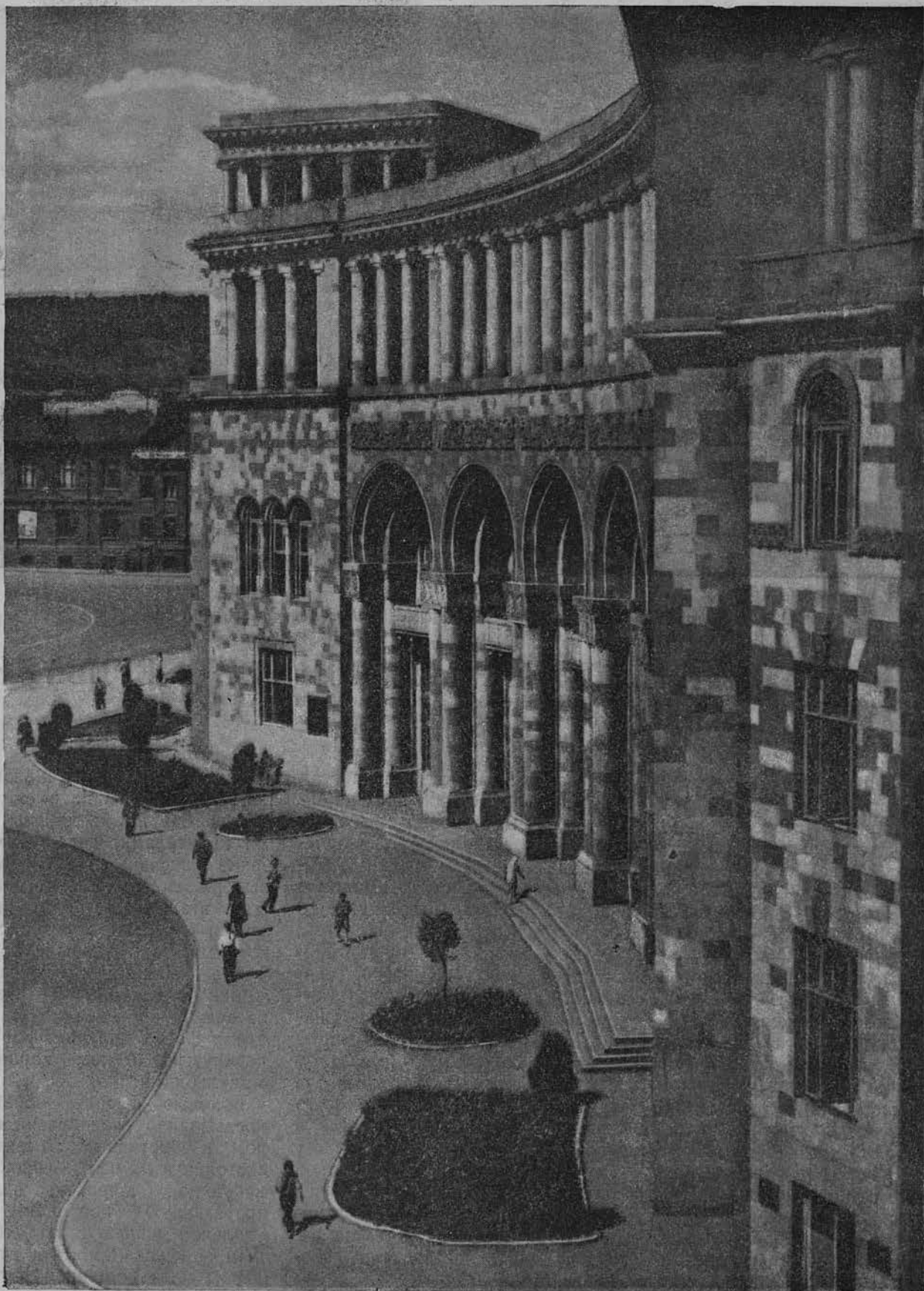
Трехгранные вставки в местах переломов переходят в спокойные объемы боковых фасадов. Переходы, выходящие на площадь Ленина и на улицу Амирян, имеют различную объемную и архитектурную трактовку. В то время как переход к уличному фасаду совершается через спокойный объем небольшого ризалита, переходом к площади служит монументальная башня, фиксирующая угол и соединяющая различные по ритму и масштабу объемы. Северный и южный углы здания срезаны. Но в то время как северный угол дан в не крупных членениях, южному углу придана форма громадной полукруглой ниши: автор учел возможность восприятия этого угла с дальних точек (ниша замыкает собою перспективу проспекта Микояна).

Резкость сопряжения углов главного фасада с боковыми смягчена введением полукруглых колоннад, венчающих трехгранные вставки.

Центр здания занимают пять громадных арок, несомых мощ-

ными четверными колоннами. То, что колонны не имеют энтазиса и баз и объединены общими капителями, делает их особенно массивными и способными выдержать тяжесть вышележащих этажей. Но если бы эти этажи были пространственно глухими, тяжесть была бы чрезмерной. Для облегчения введена лоджия с колоннадой — перголой во всю длину фасада. Благодаря этому фасад получает рост, подчеркнутый легким карнизом с модульонами.

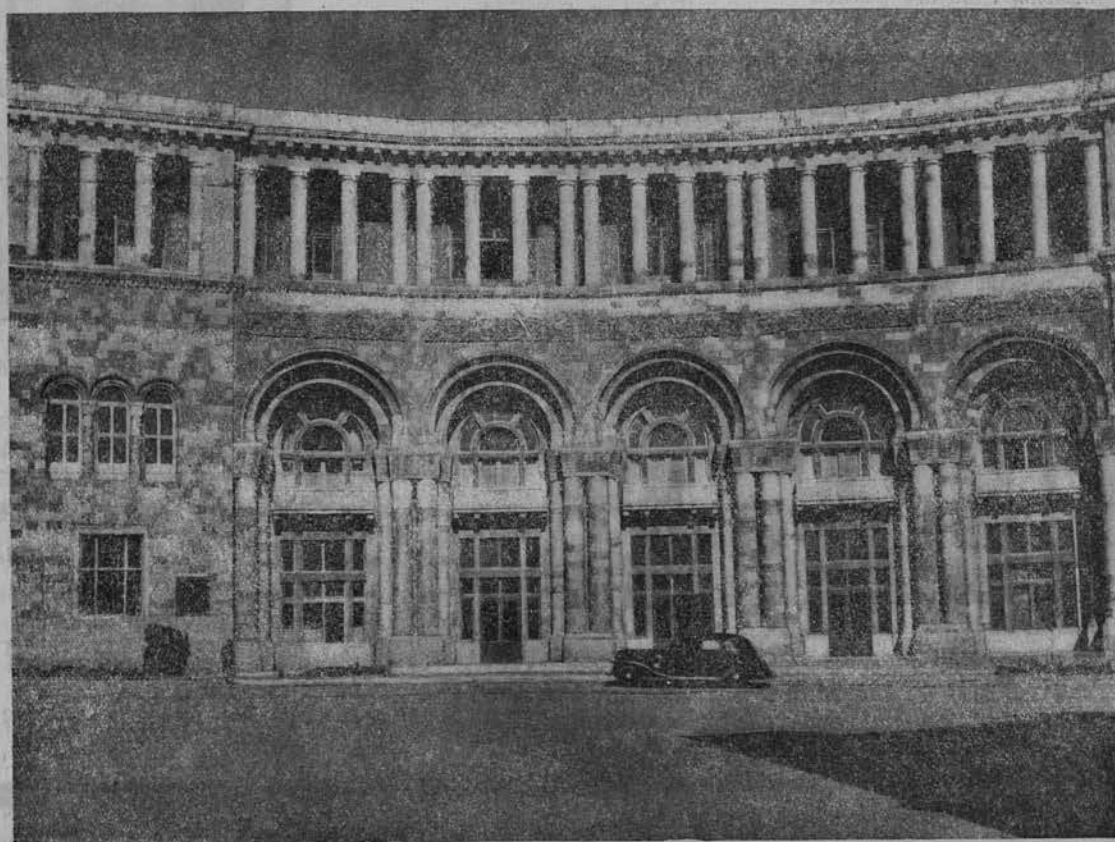
Боковые фасады обработаны чрезвычайно своеобразным ордером, изобретенным Таманяном и состоящим из полуколонн, фланкирующих широкую пилястру, прорезанную посередине трехугольной нишей с полуциркулярным завершением. Над этим ордером идет сплошной ритм арок на трехчетвертных колоннах. Остальные фасады обработаны более простыми по форме пилястрами. Здесь опять-таки сказывается учет значимости фасадов, в зависимости от их расположения.

А. Таманян. Дом правительства Армянской ССР в Ереване. Главный фасад

А. Таманян. Дом правительства Армянской ССР в Ереване. Общий вид

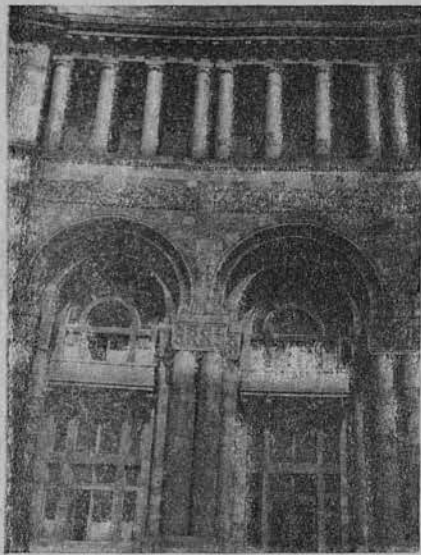
А. Таманян. Дом правительства Армянской ССР в Ереване. Главный вход

Детали и фрагменты здания могут быть предметом специального исследования. Они входят настолько полноценным и неотъемлемым компонентом в общую архитектурную трактовку здания, что становятся не простым украшением фасадов, а неразрывной частью архитектурной композиции.

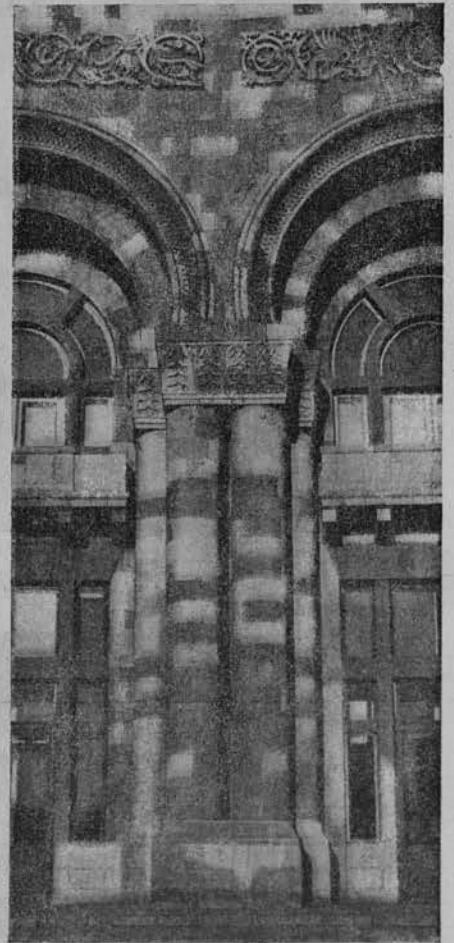
Капители, орнаменты, карнизы, архивольты, кронштейны, замко-

вые камни, тяги, модульоны выполнены архитектором с артистическим блеском и темпераментом. Многообразие форм и рисунков не сделало образ разнообразным, а придало ему остроту и законченную выразительность. Автор смог избежать космополитической безликости, что еще порой встречается в строительной практике национальных республик, делающей сплошь

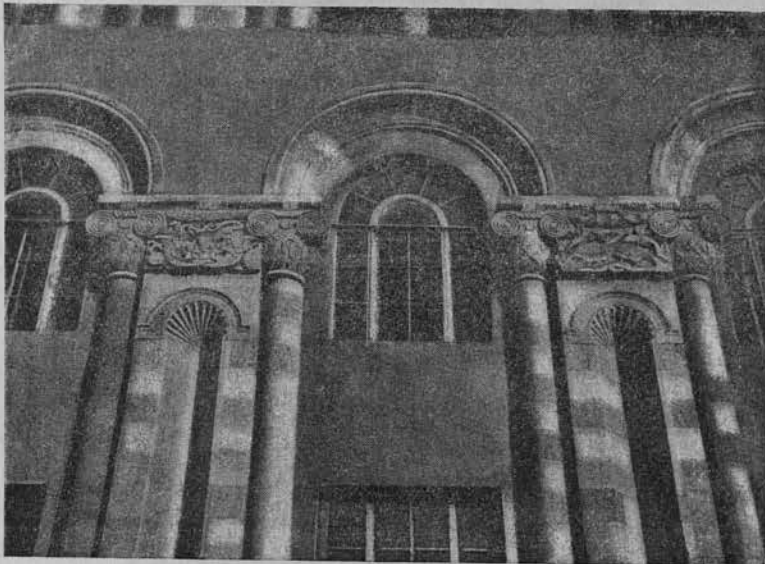
и рядом интересно задуманные композиции скучными и маловыразительными. Глубокое изучение богатейшего наследия древнеармянской архитектуры в мастерских руках Таманяна явилось сильнейшим орудием, сделавшим его произведение подлинно национальным. Изучение старого армянского зодчества не привело к компиляции готовых форм и деталей, а дало замеча-

Фрагмент главного фасада

Фрагмент ордера главного фасада

Ордер корпуса на площади Ленина

ДОМ ПРАВИТЕЛЬСТВА
АРМЯНСКОЙ ССР В ЕРЕВАНЕ
Арх. А. И. ТАМАНЯН

Капителы пилястр

Вход в здание

Фрагмент башни

Вход с ул. Амирян

тельный сплав глубоко самобытных решений. Все капители—разные; ни один орнамент не повторяется дважды. Различно решены карнизы, профили, но это не вносит стилевой разногласицы в фасады, — наоборот, они приобретают пластичный и звучный язык, достигают скульптурной выразительности. Более полусотни капителей, архивольтов даны в разных формах, и вместе с тем они объединены общей идеей; уже одно это свидетельствует о высоком мастерстве и неистощимой художественной фантазии автора. Введение зоо-

морфных, растительных и производственных элементов в орнаменты сделано с большим тактом и подлинным пониманием народных мотивов, народного творчества.

Дом правительства Армении—жизнеспособный архитектурный организм, вошедший значительной вехой в историю новой, социалистической архитектуры.

* * *

Необходимо отметить творческую роль сына покойного академика А. И. Таманяна — архитектора Георгия Таманяна — в

завершающей стадии строительства. Напомним, что академик умер в 1936 году, когда была осуществлена лишь часть сооружения, причем не были начаты главный корпус и башня. С труднейшей задачей молодой архитектор справился блестяще. Уверенная и смелая прорисовка деталей, играющих столь значительную роль в композиции здания, явилась достойным продолжением работы покойного зодчего.

Замысел автора был осуществлен во всей полноте, что делает честь молодому мастеру.

Пилястры бокового фасада

ВОЗРОЖДЕНИЕ ВАРШАВЫ

ПО СТРАНИЦАМ ПОЛЬСКОЙ ПЕЧАТИ

Виктор Марецкий

Быть или не быть Варшаве? Взяться ли за огромный труд ее возрождения или перенести столицу в другой город, хотя бы в уцелевший древний Краков? Этот вопрос встал перед Временным правительством Польской республики еще тогда, когда оно находилось в Люблине, когда гитлеровские банды еще бесчинствовали на варшавских улицах. Нужна была большая смелость, чтобы решить вопрос в пользу Варшавы, нужны были глубокая любовь и уважение к лучшим традициям своего исторического прошлого, вера в свой народ, в его будущее, в его созидательные силы, в его творческий пафос.

Руководители новой, демократической Польши нашли в себе эту смелость. Еще в Люблине Временное польское правительство издало декрет, в силу которого Варшаве, немедленно после ее освобождения, возвращалась историческая роль столицы польского государства. В речи, произнесенной в январе 1946 года из пленума Высшего Совета по восстановлению Варшавы, президент Польской республики г. Берут, между прочим, сказал: «Несомненный факт, что мы не приступили бы к восстановлению Варшавы, если бы не помощь Советского Союза, которая укрепила нашу волю, дала нам новый импульс, увеличила во много раз наш энтузиазм и первые итоги нашей работы. Случилось так, что как-никак чужие Варшаве советские рабочие и инженеры работали над восстановлением столицы интенсивнее, чем многие польские рабочие и инженеры».

Столица Польской республики, освобожденная Советской Армией, поднимается из руин, чтобы стать достойным центром политической и культурной жизни новой, демократической Польши. И если в самое первое время решение польского правительства о восстановлении Варшавы, как столицы польского государства, казалось многим не только смелым и рискованным, но и ошибочным, то теперь со всей очевидностью предстает правильность и мудрость этого решения.

Еще идут работы по расчистке города от развалин, но в нем уже кипит ключом столичная жизнь. В лучших зданиях разместились правительственные учреждения, посольства многих стран, общественные и партийные организации. Функционируют высшие и средние учебные заведения, театры, кино, библиотеки. Восстановлен мост Понятовского, соединяющий Варшаву с предместьем Прагой. С каждым месяцем открываются новые трамвайные линии, курсируют автобусы и троллейбусы, присланные из Советского Союза. С каждым месяцем увеличивается численность населения столицы.

Восстановление в некоторой мере пока идет стихийно, хотя и «стихийность» введена в определенные границы, регулируемые специально созданными органами. Но одновременно с восстановлением зданий, ремонт которых не требовал особых усилий и крупных затрат, проводится работа по созданию плана будущей, новой Варшавы.

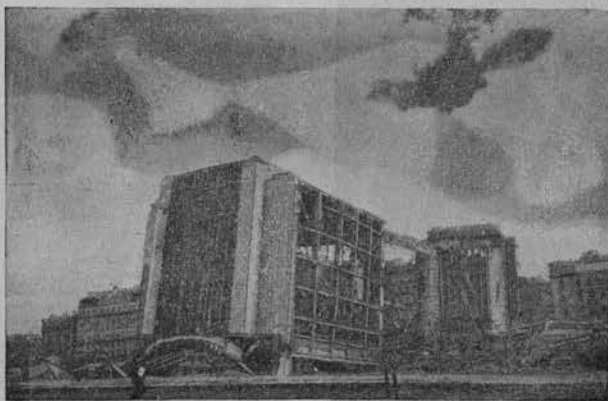
Когда перелистываешь номера польского архитектурного журнала «Варшавский эскарп» («Scajra Warszawska»),

когда читаешь бюллетень Бюро по восстановлению Варшавы и многочисленные статьи в газетах и журналах, посвященные этой теме, встают первые страницы будущей летописи о героическом подвиге польского народа, который полностью оценят грядущие поколения свободной и независимой Польши.

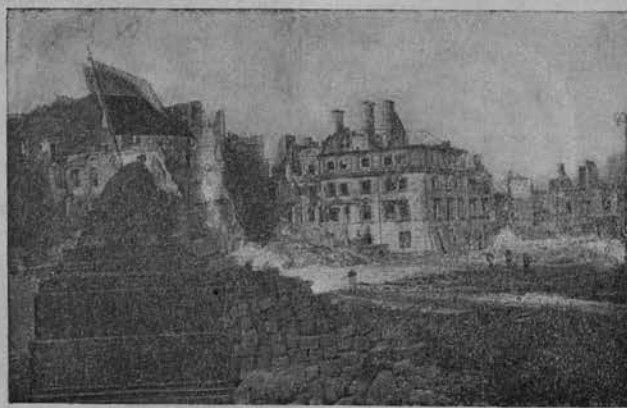
Перед архитектурной мыслью Польши встала поистине грандиозная, беспрецедентная задача.

Трудность и сложность задачи усугублялась еще тем, что, в то время как архитекторы в своих кабинетах работали над планами будущей Варшавы, люди, вернувшиеся в свою столицу, не дожидаясь этих планов, восстанавливали для себя жилища всюду, где это только представлялось возможным. Эти усилия варшавян не могли не встретить, с одной стороны, поощрения, ибо они возвращали жизнь мертвому, разрушенному городу, но, с другой стороны, стихийная восстановительная работа ставила архитекторов перед фактами, с которыми они не могли не считаться и которые часто не легко было преодолеть в работе над будущими планами.

Правительством Польской республики через месяц после освобождения столицы были созданы Высший Совет по восстановлению Варшавы, Комитет восстановления столицы и Бюро восстановления столицы. Высший Совет возглавил президент Польской республики В. Берут, а в состав его вошли члены Крайовой Рады Народовой, представители польских демократических партий, профессиональных союзов, кооперативных объединений, а также

Варшава. Разрушенный вокзал

Варшава. Дворцовая площадь (1945)

виднейшие представители науки, искусства, литературы. Комитет по восстановлению Варшавы возглавил бывший премьер-министр г. Осубка-Моравский.

Бюро восстановления Варшавы было сконструировано в составе одиннадцати отделов. На отдел градостроительства возлагалась главная задача планировки столицы, определение ее территории и распределение отдельных районов внутри этой территории с учетом всех новых задач, встающих перед столицей демократической Польши. Этот отдел должен был выработать основные принципы плана, по которым второй отдел — архитектурно-инженерный — создал бы конкретные проекты отдельных объектов строительства Варшавы. Ответственные функции были возложены на отдел архитектурных памятников. Он должен был установить, какие объекты отнести к этой категории, определить их состояние и возможность реставрации, принять меры к охране архитектурных памятников от дальнейших повреждений, согласовать с отделом градостроительства, какие архитектурные памятники могут найти свое место в плане будущей столицы.

Сознавая, что разработка плана столицы должна быть основана на опыте передовой архитектуры мира, польское правительство с самого начала признало необходимым привлечь к участию в разрешении этой проблемы виднейших зарубежных архитекторов, и, как отмечает польская печать, в первую очередь был установлен контакт с советскими архитекторами. Еще летом прошлого года Варшаву посетил группа советских архитекторов и планировщиков, которая провела совещания с польскими архитекторами, обсуждая проблемы строительства столицы Польши. В результате этих совещаний был разработан первый конкретный план восстановительных работ.

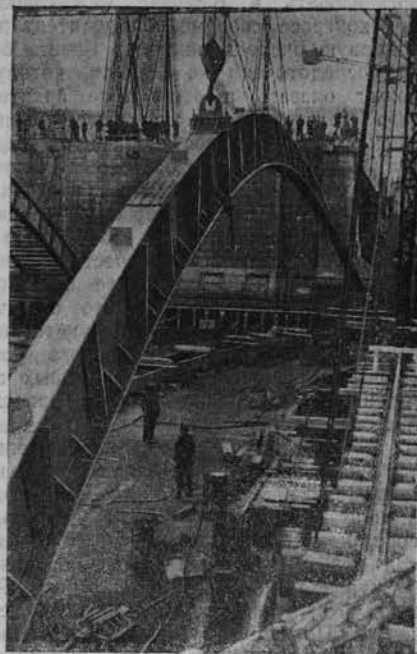
Намеченный план восстановительных работ полностью осуществить не удалось. Журнал «Варшавский эскрп» в двух статьях Романа Пиотровского дает объяснение этому факту. Автор указывает, что в плане не были учтены те требования, которые предъявили к столице правительственные органы и общественные учреждения, в связи с

тем, что Варшава, вопреки первоначальным предположениям, сразу же стала не только номинальным, но и фактическим центром республики. Ввиду этого все прочие интересы были отодвинуты на вторую очередь, и план жилищного строительства был выполнен не полностью. Возросшие, по сравнению с планом, масштабы строительства потребовали новых материальных ресурсов, которые поступали несвоевременно и не в полной мере.

Эти осложнения в выполнении первоначального плана восстановления были учтены в работе по проектированию будущей столицы. Генеральный план Варшавы составляется из расчета на десятилетнюю перспективу и роста населения до одного миллиона человек.

Как указывал в своей речи на пленуме Высшего Совета по восстановлению Варшавы президент Берут, это только первый этап планирования, на котором успокаиваться не приходится.

«Стремление к ограничению масштаба планирования в восстановлении нашими нынешними возможностями, — говорил он, — вполне понятно, но было бы неправильно ограничивать наши планы рамками возможностей одного только нынешнего поколения. Совершенно справедливо учтены были нужды десятилетнего плана, ограниченного именно этим отрезком времени и возложенного на плечи нынешнего поколения. Однако мы должны видеть перед собой ту Варшаву, в которой будут жить наши потомки, — мы должны начертать облик новой Варшавы для многих грядущих поколений. Я полагаю, что задача Высшего Совета — осмыслить для себя Варшаву не только в ближайшем, но и в более отдаленном будущем. С этой точки зрения представление о Варшаве, как о городе для одного миллиона жителей, не выдерживает никакой критики. В начертанных для нее рамках города с одномоллционным населением не вмещается понятие о ней, как о самом большом городе Польши, главном центре нашей политической, общественной, культурной и художественной жизни, как о столице страны, которая не только имеет центральное географическое расположение, но из которой мы хотели бы создать один из центров

Варшава. Строительство моста им. Понятовского

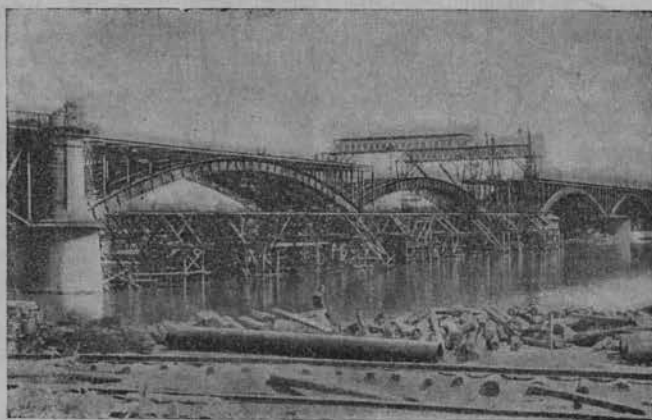
международной жизни, столицы страны, которая должна иметь и, как я думаю, будет иметь значение несравненно более высокое, нежели она имела до настоящего времени».

Столица новой, демократической Польши должна стать одним из центров взаимного общения и связи всех славянских народов, а в известной степени, благодаря своему географическому положению, также одним из центров взаимосвязи всех демократических государств.

Пленум Высшего Совета принял ряд постановлений для осуществления поставленных президентом задач. В частности, решено организовать на широких основах дальнейшие работы по проектированию столицы, всемерно используя мировой архитектурный опыт. Было признано необходимым собрать мнения самых выдающихся зарубежных специалистов о плане Варшавы и

Варшава. Учащиеся на строительных работах

Варшава. Строительство моста им. Понятовского

организовать в Варшаве международный конгресс современной архитектуры. В первую очередь внимание Совета было сосредоточено на помощи, которую может оказать в этом деле архитектура Советского Союза. Совет специальным пунктом постановления выразил благодарность Советскому Союзу, Белорусской, Литовской и Украинской республикам «за совершенно бескорыстную, оказанную и обещанную в дальнейшем помощь в восстановлении Варшавы». В другом пункте постановления Совет подчеркнул, что он считает необходимым «непосредственное использование опыта Советского Союза по восстановлению разрушенных городов — Сталинграда, Киева, Харькова, Минска и Ленинграда».

Немаловажную роль, по мнению польской печати, должно сыграть использование опыта Советского Союза в деле привлечения масс к участию в восстановительных работах. В статье «За новый стиль работы», помещенной в журнале «Варшавский эскарп», Ришард Карлович отмечает, что до сих пор в Польше не были исчерпывающим образом использованы различные формы труда и резервы общественной энергии, которые можно было бы мо-

близовать для восстановления столицы. Ришард Карлович указывает, что там, где общественная энергия была проявлена, получились блестящие результаты. Он говорит о почине силезских горняков и металлургов, отстроивших для Варшавы один из красивых мостов, соединяющий ее с предместьем Прагой, — мост Понятовского, об инициативе населения краковского воеводства, заявившего о своей готовности восстановить одну из центральных улиц Варшавы — Краковское предместье. Ришард Карлович подчеркивает, что это только первые шаги в деле осуществления всенародной задачи восстановления столицы. Ссылаясь на опыт народных строек, блестяще примененный в среднеазиатских советских республиках при сооружении грандиозных каналов, он указывает, что это пример того, «как много можно сделать, дополняя ассигнования из государственной кассы разумно использованным трудом крупных людских коллективов».

* * *

Архитекторы Польши активно обсуждали первый вариант генплана восстановления и реконструкции Варшавы,

разработанный отделом градостроительства Бюро по восстановлению столицы и выставленный для всеобщего обозрения. Редакция «Варшавского эскарпа», в целях популяризации плана и широкой дискуссии о нем, поместила ряд статей авторов проекта, разъясняющих принципы его построения. Эту серию редакция предварила небольшой статьей, в которой подчеркивает, что план можно считать лишь «эскизным проектом плана строительства Варшавы», и отмечает, что авторы проекта сами заинтересованы в самой широкой дискуссии, чтобы на основе ее разрешить поставленные перед польской архитектурой задачи.

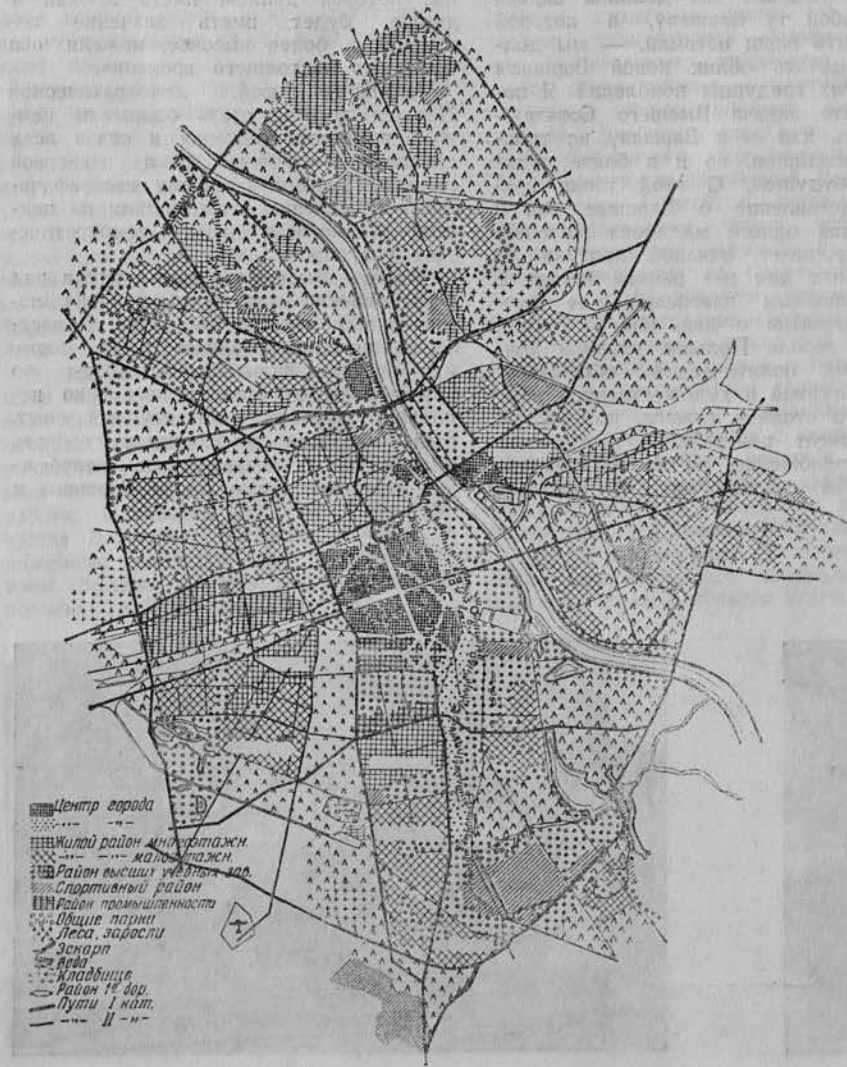
Вацлав Островский в обширной статье излагает основные принципы построения плана. Разъясняя новое районирование столицы, он пишет: «Мы хотим так разместить главные центры различных отраслей жизни и труда — правительственные учреждения, хозяйственные, научные, промышленные и др., чтобы в каждом районе могли жить представители различных профессий и социальных групп, на небольшом расстоянии от места своей работы».

Касаясь отношения авторов проекта к исторически сложившейся структуре города, В. Островский пишет: «Мы хотим в возможно более широких масштабах воссоздать здания, являющиеся архитектурными памятниками, представляющие собой неценные культурные ценности».

Большое внимание уделяет автор соотношению старого и нового в плане будущей Варшавы. Считая возможным восстановление зданий, не подвергшихся полному разрушению, автор заявляет о необходимости решительных действий, когда речь идет о старых домах-колодцах, которые ни в какой мере не отвечают требованиям жилищной гигиены, которые были бы диссонансом в новой столице. «Мы должны при разработке плана, — пишет В. Островский, — освободиться от чрезмерного давления экономических критериев. Нельзя допустить, чтобы под прикрытием «временности» создалось новое фактическое положение, при котором начертания плана строительства оказались бы фикцией... Мы не проектируем ни восстановления старой Варшавы, ни строительства совершенно новой, но коренную перестройку столицы, живущей уже сегодня, возрожденной из пепла».

«Трудно, — продолжает В. Островский, — в настоящее время предвидеть, каков будет рост населения столицы, и поэтому план должен быть чрезвычайно эластичным, он должен определять скорее направление развития города, нежели его точные границы, устанавливать принципиальные черты будущей Варшавы, обозначать широкие рамки ее, в которых могла бы вписаться и столица сегодняшней Польши, залечивающей раны войны, и столица будущих поколений; план должен предусматривать крупные резервы для удовлетворения требований, которые может предъявить будущее».

Конкретизируя это положение, автор пишет, что основным определяющим фактором планирования должны быть Висла, долина которой дает широкий простор для строительства.

Варшава. План

В то же время автор считает, что наряду с этим эластичным планом должен существовать план, рассчитанный на более короткий срок реализации, обстоятельный и точный, опирающийся на экономическую программу, закрепленную планом финансирования. Но и этот конкретный план должен соответствовать принципам широкого плана, «явиться первой атакой на обозначенные отдаленные цели, быть первым шагом в борьбе за новую Варшаву».

Планом предусматривается три основные группы строительства, соответственно трем главным районам. Центральный район, который будет занимать незначительную площадь по сравнению со всей огромной площадью столицы, вместит правительственные, хозяйственные и общественные учреждения, высшие учебные заведения, жилые дома. Большое место в плане столицы занимает фабрично-заводской район. Наконец, предусматривается жилой район, который должен быть создан таким образом, чтобы жилище каждого трудящегося находилось на расстоянии не более получаса езды от места его работы. Каждый из этих районов должен планироваться таким образом, чтобы внутри его оставались большие резервы площади для застройки.

Участники дискуссии, развернувшейся вокруг проекта генплана Варшавы, соглашаясь с его основными установками, выдвигают ряд конкретных проблем его осуществления.

Живо волнует архитектурную ответственность Польши вопрос о сохранении и восстановлении архитектурных памятников и о месте их в плане новой столицы. Наибольшее внимание привлекает вопрос о Старом городе, разрушенном немцами. Вацлав Подлазский в статье в «Варшавском эскарпе» дает историю этого района, восходящую к XIII веку, перечисляет важнейшие здания, сохраняющие свою архитектурную и культурно-историческую ценность, и предлагает конкретный проект восстановления этой части города, увязанный с планом новой столицы. «Неправильной, — заключает он, — кажется нам мысль о создании из Старого города исключительно музейного района. Для этой цели достаточно использовать часть зданий, а остальные должны быть заселены. Район Старого города не может быть мертвым районом. Старый город должен жить. Возможно, он должен быть особым районом, своеобразным организмом в комплексе новой Варшавы, но организмом прежде всего живым».

Ян Захватович в статье «Борьба за культуру», на страницах того же журнала, отстаивает восстановление ценных памятников архитектуры, хотя бы и подвергшихся сильному разрушению: «Поскольку работы над восстановлением и даже реконструкцией будут проводиться при максимальном использовании материалов и сохранившихся фрагментов, не может быть никаких опасений, чтобы памятники эти стали мертвыми фальсификатами... Только многочисленная группа специалистов и

гурманов почувствует мелкие несоответствия в форме и свежести краски. При разрешении таких важных проблем, как проблема памятников нашей культуры, мы не можем считаться с маленькой группкой гурманов, со сластолюбием прикасающихся к замшелым камням, или романтиков, восторгающихся драматичностью руин...»

Однако вопрос о восстановлении Старого города имеет и своих противников.

Владислав Серошевский в статье в «Варшавском эскарпе» пишет, что вопрос о восстановлении Старого города вызывает в нем серьезные сомнения. Он спрашивает, следует ли за средневековым фасадом сохранить прежние мрачные, негигиеничные жилые дома без элементарных удобств, или построить современные здания с ваннами и центральным отоплением. «Первое, — пишет он, — невозможно, второе было бы смешно». И продолжает: «Если бы даже отстроить определенные участки (например, Рынок), придав им исключительно музейный характер, то, полагаю, это можно отложить на дальнейшие годы реализации плана».

Противоречивые мнения вызывает вопрос о сохранении Саксонской площади — центральной площади столицы — с одноименным парком. Петр Беганский и Ян Захватович отстаивают сохранение этой площади, со всеми ее историческими строениями, заложенной королем Августом в 1713 году, с органическим включением ее в план новой Варшавы. Винценту Адамскому, наоборот, выдвигает проект продолжения Маршалковской улицы, через Саксонский сад, до Налавок и считает, что для создания такой длинной артерии стоит не поспешить на несколько десятков деревьев Саксонского сада. Далее В. Адамский пишет: «Саксонский сад на скрещивании двух важнейших коммуникационных направлений, юг — север и восток — запад, не может быть на веки-вечные пробкой, задерживающей самый интенсивный поток столичного движения... Неприкосновенность Саксонского сада перед войной была сто раз более оправдана катастрофическим отсутствием в Варшаве зеленых насаждений и расположенными здесь памятниками старины. Сегодня эти изображения отпадают, парков мы можем иметь в Варшаве сколько угодно».

Против этой точки зрения решительно возражает Тадеуш Филиппак. «Уничтожение нескольких десятков деревьев Саксонского сада, скомпенсированное другими зелеными насаждениями, — восклицает он, — является, по существу, уничтожением единственного в своем роде памятника парковой архитектуры. Говоря по аналогии, уничтожение это равноценно укорочению на несколько метров, например, готической башни костела в Новом городе, оправданному созданием небоскребов, которые могли бы компенсировать утрату башни».

Дискуссия затрагивает также и принципиальные вопросы архитектурного

стиля. Среди польских архитекторов имеются приверженцы Корбюзье. Его теории получают положительную оценку в статьях и в лекциях, организуемых для рабочих и служащих, участвующих в восстановлении Варшавы. Варшавский архитектор Юзеф Золтан командирован в Париж специально для изучения работ Корбюзье. В последнее время в «Варшавском эскарпе» появилось несколько статей, авторы которых протестуют против увлечения «новаторством» Корбюзье. Винценту Адамскому в статье «За собственную градостроительную концепцию» пишет: «Кроме маленькой горсточки архитекторов в Польше, среди которых Корбюзье главным образом и имеет поклонников, он нигде не находит последователей. Не говоря уже о его собственной родине, даже в СССР, который навряд ли можно упрекнуть в отсталости, он уже давно стал пройденным этапом... Какую же практическую ценность имеет «гений», творчеством которого мир не может или не хочет воспользоваться?.. Влияния Корбюзье не видать нигде, кроме Польши». И автор заканчивает: «Итак, жаль, что польская градостроительная мысль не может приобрести собственный, независимый облик и оригинальную концепцию».

Птиц-Ворковский в статье «Политика в архитектуре» доказывает на конкретных исторических примерах, что высокие образцы градостроительства были достигнуты только там, где они явились выражением демократизма общественной жизни, в то время как отсталость и реакция в политической и общественной жизни приводили к упадку водчества. Фашистская Германия и фашистская Италия не внесли ничего ценного в опыт мировой архитектуры, заимствуя для себя образцы из мрачного средневековья. «Только архитектор, — пишет автор, — всей душой преданный идеалам новой эпохи, являющийся активным членом общества, найдет настоящую форму новой архитектуры. Отлично проявляет себя новая архитектура в СССР. Здесь во главу угла ставится новый элемент, которого не видели в архитектуре фашистских государств. Этот элемент — «новый человек», гражданин СССР. Советские архитекторы работают на ином уровне, для массового потребителя. Советские архитекторы изучают потребности самых широких слоев народа, их мечты и нужды, чтобы дать им выражение в подлинно ценном плане и архитектуре. Их архитектура выражает синтез жизни и отражает определенный уровень и состояние общества. Это нашло свое выражение в архитектуре Московского метро, Дворца Советов, ряда клубов Веснина и других». Возражая против подражания отсталым и реакционным течениям в архитектуре, к которым он относит и теорию Корбюзье, автор призывает польских архитекторов, подобно архитекторам Советского Союза, изучать и удовлетворять требования самых широких народных масс, мечтающих о счастье стать подлинными творцами новой эпохи.

АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ФИЛИППО БРУНЕЛЛЕСКО

К ПЯТИСОТЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ

А. Габричевский

Прошло пятьсот лет со дня смерти великого Филиппо Брунеллеско. Он вошел в историю как гениальный новатор и родоначальник архитектуры Нового времени. Оценка его современников осталась в силе и для нашего времени. Однако этим отнюдь не исчерпывается значение Брунеллеско.

Несмотря на всеобщее признание, освященное вековой традицией и подтверждаемое современной наукой, в его исторической судьбе многое противоречно и загадочно. В самом деле, творчество великого флорентийца, овеянное громкой славой, не оказало все же такого непосредственного и мощного влияния на стиль и приемы последующих поколений, как, например, творчество Микельанджело и Палладио.

Конечно, Брунеллеско является пионером в создании новых архитектурных типов и жанров, будь то центрально-купольная композиция, базилика или палаццо. Он — первый представитель последовательного ордерного мышления, возникшего на почве нового, гуманистического мировоззрения. И все же влияние его индивидуальной манеры на современников и потомков оказалось весьма поверхностным и недолговечным, а главное, вся глубина и все своеобразие его творческого метода оказались, по существу, непонятыми, ибо ближайшие его преемники, а за ними и вся последующая европейская архитектура пошли по совершенно иным путям. Это же до известной степени относится и к истории научного познания искусства Брунеллеско.

После панегирических биографий о зодчем Манетти и Вазари ничего нового о нем сказано не было вплоть до второй половины XIX века. Ученые искусствоведы, критически разобравшись в археологическом и архивном материале, тщательно развенчали наивные славословия старых биографий и немало сделали для установления подлинных исторических фактов о его стилистическом развитии и связи с предшественниками и современниками, но не более того. Во всей научной литературе о Брунеллеско вопрос о творческом методе мастера даже и не ставился.

Не так обстоит дело у нас, в Советском Союзе. Самые широкие круги советской архитектурной общественности проявляют исключительный интерес к художественным произведениям Брунеллеско и желание творчески, профессионально осознать его мастерство.

На вопрос: «Что вам больше всего нравится в мировой архитектуре?» — мне не раз, даже от малоподготовленных, исторически неискушенных студентов приходилось слышать ответ: «Брунеллеско».

Особая обаятельность искусства Брунеллеско для советских архитекторов имеет, как мы увидим, свои глубокие причины. Она же является и залогом того, что мы сможем найти ключ к его научному познанию. В этом отношении надо отметить роль И. В. Жолтовского, который в многочисленных высказываниях, в педагогической практике и, наконец, в своем творческом методе совершенно по-новому поставил целый ряд теоретических

вопросов, вплотную подводящих нас к пониманию исторической роли и индивидуальной сущности искусства Брунеллеско.

Как показала сессия Института Истории и Теории Академии Архитектуры СССР, посвященная юбилею Брунеллеско, советское архитектуроведение уже насчитывает целый ряд оригинальных исследований, знаменующих новый этап в научном освоении наследия великого мастера.

Уже в настоящее время выявлены некоторые наиболее характерные черты творчества Брунеллеско. В чем, прежде всего, заключается неотразимое обаяние его искусств? Сущность этого обаяния точнее всего можно было бы передать одним словом: молодость. Дело здесь не только в новаторстве, не только в том, что Брунеллеско — один из самых ярких носителей молодой идеологии своей эпохи, а в том, что он, как никто, пожалуй, из его современников, сумел выразить это качество в своих художественных произведениях. Они возникают и развиваются по образу и подобию молодого организма.

Его создания говорят о той же упругой силе, сочетающейся с нежностью, о тех же безграничных, неиспользованных возможностях, которые флорентийские художники XV века воплощали в юношеских образах Георгиев, Давидов и Себастьянов.

Все искусство Брунеллеско обращено в будущее, и притом, как показала история, в далекое будущее, ибо европейская архитектура вплоть до наших дней никогда уже не возвращалась к юношескому строю художествен-

ного мышления великого мастера. Вот почему, быть может, его «молодость» не только воздействует на нас своим непосредственным обаянием, но и воспринимается нами как глубокая мудрость.

Обаяние молодости сочетается с обаянием его неповторимой, яркой индивидуальности. Он, быть может, самый индивидуальный архитектор во всем мировом зодчестве. Его архитектура как бы достигает того предела индивидуализации, которого может достигнуть зодчество. Вот почему творчество Брунеллеско — крайне неблагодарная область для любителей выскивания «влиятельных». Любая традиционная форма, попадая в руки Брунеллеско, становится «новой» формой, несущей на себе след его почерка. Будущие исследования покажут, насколько этот характер проникает во все поры художественных организмов, созданных им, будь то, например, профилировка или гармонической строй. В этом своем «индивидуализме» Брунеллеско, конечно, сын своего века, этой эпохи «титанов» и сильных характеров, когда именно сильная и яркая личность была носительницей прогрессивного начала в культуре. Однако индивидуалистичность искусства находит у него своеобразный и очень существенный корректив в том объективизме, с которым он подходит к решению каждой задачи.

Оставаясь самим собой и сохраняя неповторимую прелесть своего юношеского строя, Брунеллеско никогда не повторяется. И. В. Жолтовский как-то сказал, что никогда нельзя предвидеть, что сделал бы Брунеллеско при тех или иных условиях. В самом деле, каждое его произведение поражает не только индивидуальностью стиля, но и индивидуальностью образа, продиктованного данной программой. Так, например, что общего между нежным лиризмом палатцо Пацци и скучной торжественностью палатцо ди Порта Гуельфа, между воздушной капеллой Пацци и монументальной Санта Мариа делья Анджели! И насколько существенны и многозначительны не столь заметные на первый взгляд отличия Старой Сакристии от капеллы Пацци и Сан

Лоренцо от Сан Спирито. Этот объективизм, эта глубокая правдивость мастера опять-таки коренится в том реализме и в том универсализме, которые свойственны были лишь первым поколениям мастеров итальянского Возрождения.

Недаром Брунеллеско принадлежал к той славной плеяде «титанов», которые, воодушевляясь пафосом познания, умели гармонично сочетать в одном лице художника и ученого, зодчего и инженера, живописца и оптика, гуманиста и изобретателя. Для Брунеллеско, как и для его друга и младшего современника — Альберти, архитектура с большой буквы была синтезом всего культурного строительства в целом. Изготовление сложных механизмов для часов соборного купола, фортификационные и ирригационные работы, занятия перспективой и создание живописных панорам, изучение математики и топографии Дантовой поэмы — все это не было для Брунеллеско любительским или побочным делом, вызывающим до сих пор подчас улыбку у читателя его биографий. Нет, этот реализм и универсализм были той питательной почвой, на которой выросло и созрело новаторство Брунеллеско. Именно на этой почве сложилось сознательное и свободное отношение Брунеллеско к наследию прошлого и к созидаемому будущему.

Вопрос о новаторстве Брунеллеско в достаточной мере сложен, так как в его творчестве традиционное и революционное взаимно переплетаются. Первые его произведения были чем-то принципиально «невиданным», и вместе с тем они глубочайшими корнями связывались с традициями прошлого. К ближайшему прошлому, к готике, Брунеллеско вовсе не проявлял резко отрицательного отношения, характерного для следующего за ним поколения.

Брунеллеско целиком воспринимает каркасно-нервюрную систему готики, но он наполняет ее новым содержанием по мере того, как в нем крепнет и зреет ордерное мышление. Готический каркас расчленяется на ордер и арку и приобретает новый тектонический смысл. Наряду с этим Брунеллеско с гениальной

решимостью возвращается к византийской форме купола на парусах, разыгрывая эту тему на основе той же каркасной системы. Что же касается знаменитого флорентийского купола, то это, за исключением заданной конструктивной схемы сомкнутого нервюрного свода, совершенно новый образ в истории мировой архитектуры. Это органически расчлененный объем, «осеменяющий», — по выражению Альберти, — все тосканские народы». Подкупольное же пространство — не готический интерьер, отрешающий посетителя от пространства реальной природы, а живая часть природного пространства, где, по словам того же Альберти, «царит некое весеннее растворение воздуха» и где мы испытываем то наслаждение, «когда вещи предстоят нашим чувствам в таком количестве, как того требует природа».

Этой же реалистической тенденцией объясняется то, что правильно было бы назвать народной струей в его творчестве, а именно те крепкие узы, которые связывают его с тосканской художественной традицией, в частности с так называемым прото-ренессансом, древнейшим проявлением этой традиции.

Как гуманист, Брунеллеско мыслит уже в категориях ордерной логики; как флорентийский патриот, он выражается на родном тосканском наречии, в то время как Альберти-архитектор пользуется латынью Витрувия, который становится для зодчих следующих поколений столь же обязательным, как Цицерон для писателей.

Но каково же отношение Брунеллеско к античности, которая в представлении людей того времени была чем-то вроде волшебного зеркала, отвечавшего на все вопросы?

Не раз уже отмечалось, что мастера первой половины XV века относились к классическому наследию с наивной неразборчивостью и интересовались не столько принципами и канонами античного зодчества, сколько его внешними, декоративными формами, да и то без стилистического ригоризма. Отсутствием этого ригоризма отличался и Брунеллеско, но по глубине проникновения в самую сущность античного архитектур-

ного мышления с ним едва ли кто-нибудь может сравниться. Однако именно здесь мы сталкиваемся с очень своеобразными чертами, на которые впервые указал И. В. Жолтовский и которые вводят нас в самую сердцевину творческого метода Брунеллеско.

Биографы Брунеллеско рассказывают о его многолетней упорной работе над исследованием античных построек в Риме. Первый биограф, его современник, Манетти, свидетельствует о том, что Брунеллеско интересовался не только конструктивными приемами древних и не только ордерами и деталями, но общими вопросами композиции: законами соразмерности, музыкальных пропорций и «неким определенным строем членов и костяка». Если сопоставить с этим дошедшие до нас произведения Брунеллеско, то прежде всего бросается в глаза, что все формальное внешности архитектурного богатства римской архитектуры никакого влияния на них не оказало (встречающееся в литературе сопоставление сводчатых перекрытий с позднеимскими зонтичными сводами — чисто внешнее и тектонически не оправдано). Мало того, более глубокий анализ показывает, что Брунеллеско не воспринял и основных композиционных принципов римского искусства.

Архитектурный организм, как в целом, так и в деталях, всегда строится у Брунеллеско по принципу облегчения и дифференциации формы снизу вверх и от центра к периферии, в то время как для Рима типично обратное — утяжеление и укрупнение формы, подчеркивающее противоречие между ростом и нагрузкой, жизнью и материей. Достаточно напомнить о таком совершенно исключительном и, пожалуй, уникальном явлении в европейской архитектуре, как композиция внутренних объемов в капелле Пацци. Здесь образ развивается от плана до вершины купола в процессе нарастания облегчения, дифференциации и раз-

множения. При этом каждый новый этап роста приносит с собой совершенно новое качество — от нерасчлененного единства прямоугольного плана к трехчастному делению на нефы и, далее, от пятичастного членения основания купола на парусах к двенадцати дольному цветению венчающей части. Брунеллеско мыслит и творит в категориях, свойственных не римскому, а греческому типу архитектурного мышления. При всей условности противопоставления «греческого» и «римского», нельзя теперь уже отрицать того факта, что архитектурные образы, созданные Брунеллеско, по своему композиционному строю, а тем самым и по своему идейному и эмоциональному содержанию естественно включаются в ту традицию мирового зодчества, которая ведет свое начало от античной Греции и которая через эллинизм и Византию с такой силой и самобытностью сказалась в русском зодчестве.

Сейчас еще трудно ответить на вопрос, каким образом удалось Брунеллеско в развалинах императорского Рима или в известных ему византийских постройках расслышать «умолкнувший звук божественной эллинской речи». Но несомненным остается одно: Брунеллеско, вдохновлявшийся не буквой, а духом античного наследия, создал замечательные образцы гуманистического и реалистического искусства, воплощая в них свою мечту о свободном, счастливом человеке, для которого через познание законов природы открываются просторы будущего.

Брунеллеско любил и умел цитировать Данте. Хочется думать, что он не раз вспоминал, как в 26-й песне «Ада» седой Одиссей, перед тем как отправиться в последнее, роковое для него плавание в неизведанные дали Атлантического океана, созывает своих престарелых моряков и, вдохновляя их к последнему подвигу, напоминает им:

Вы созданы не для животной доли,
Но к доблести и знанию рождены.

* * *

Этот беглый, эскизный набросок для будущего портрета Брунеллеско вызван потребностью объяснить то влияние, которое его творчество имеет на последующее развитие архитектуры и осознать значение методов великого мастера для нашей творческой практики.

Брунеллеско — прежде всего новатор и революционер. Его искусство — искусство «молодое», и это качество коренится в самом строе художественного образа. Искусство Брунеллеско исполнено тем «чувством нового», которое вдохновляло культуру Возрождения.

Новаторство Брунеллеско было особенно ярким благодаря творческому освоению всей сокровищницы прошлого. Возрождая дух, а не букву античности, его искусство питалось теми глубокими корнями, которые связывали зодчего с готикой и Византией и прежде всего с родной Тосканой.

Мастерство Брунеллеско нам родственно и потому, что оно реалистично, основано на познании законов природы и само является орудием познания действительности.

Если в эпоху Брунеллеско еще не было разрыва между наукой и искусством, инженером и зодчим, изобретателем и художником, то для нас, советских людей, сейчас, после многовекового разрыва между этими областями культуры, уже отчетливо вырисовывается образ будущего зодчего, гармонично сочетающего в себе строителя и художника, смелого изобретателя и вдохновенного творца красоты.

Наконец, Брунеллеско — подлинный, глубокий гуманист. Раскрепощение человека — таков этический пафос его искусства. В этом смысле его наследство также близко нашей культуре, нашему искусству.

Брунеллеско останется великим учителем правды и красоты для всего прогрессивного человечества.

*Тома де Томон. Портрет работы неизвестного художника.
Публикуется впервые.*

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОРТРЕТ ТОМОНА

Г. Ощепков

Несмотря на усиленные поиски портрета Тома де Томона, которые предпринимались целым рядом лиц, обнаружить его не удалось. Так, например, этот портрет искали в свое время И. Э. Грабарь, затем, для исторической выставки архитектуры 1911 года, И. А. Фомин; впоследствии его искал для постановки бюста Томона в Биржевом сквере в Ленинграде проф. Л. А. Ильин.

В «Подробном словаре русских гравированных портретов» Ровинского (том II, стр. 2043) есть указание, что портрет Томона гравировал пунктиром И. Нейде и что этот портрет находится в приложениях к собранию Ровинского. К сожалению, в собрании Ровинского этого портрета обнаружить не удалось. Вероятно, несмотря на имеющееся указание

в каталоге, портрет Томона не был вложен в приложения.

Наконец, после шестилетних поисков, в 1945 году совершенно случайно мне посчастливилось найти большой, написанный маслом портрет Томона, находившийся в частных руках. Владелец портрета сообщил, что последний достался ему в наследство от его брата, который был в свое время хранителем галереи живописных портретов у одного из графов Шереметевых. Портрет написан масляными красками, имеет размер на рамке 590 × 470 мм. На обороте инвентарный № 3698.

В приложениях 1908 года к журналу «Старые годы» Н. Врангель, на стр. 38, сообщает: «В зале Совета Академии находились портреты бывших президентов, директоров, профессоров,

почетных членов и почетных любителей, начиная с основания Академии и до нашего времени. До сих пор не существовало каталога этого собрания, и только в IV томе «Словаря русских гравированных портретов» Ровинского напечатан список портретов со многими ошибками и неточностями. Они же повторяются в надписях, сделанных в сравнительно недавнее время на самой живописи портретов крупными золотыми буквами. В 1906 году С. П. Дягилев смыл все надписи с портретов, бывших на русской выставке в Париже, и они сохранились только на тех холстах, которые не были взяты на выставку».

Со временем некоторые портреты в этом зале Академии Художеств, за неимением места,

убирались и заменялись новыми. Повидимому, и портрет Томона мог в это время перейти в какое-либо частное собрание.

По манере исполнения портрет можно отнести к 1800—1804 годам, т. е. ко времени приезда и работы Томона в Петербурге. 18 августа 1800 года он получил в Петербургской Академии Художеств звание академика и начал в ней преподавательскую работу.

На портрете Томон изображен в мундире Академии Художеств,

форма которого была утверждена в 1794 году (см. изображение мундира в приложениях к «Старым годам» за 1908 год, против стр. 16). Форма предусматривала ношение парика. На портрете Томон изображен в парике. В аналогичных костюмах, с париком на голове изображаются на портретах и другие архитекторы того времени, в частности Акимов и Фельтен, воспроизведенные в том же приложении к «Старым годам».

Томон изображен с орденом

Владимира 4-й степени, который был им получен в России, в 1802 году, за перестройку Большого театра в Петербурге. Об этом ордене упоминается на надгробном памятнике Томона в Ленинграде, на Лазаревском кладбище.

Подвергнув портрет детальному изучению, мы обнаружили в правом нижнем углу обратной стороны холста плохо различимую надпись: «Ts Tomon».

Такова история находки единственного известного нам портрета одного из выдающихся мастеров русского классицизма.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ДИССЕРТАЦИЯ О ТВОРЧЕСТВЕ БАЖЕНОВА И КАЗАКОВА

Диссертация архитектора Е. Г. Чернова¹ представляет собой обстоятельное исследование творчества двух великих русских зодчих — классиков русской архитектуры XVIII столетия. Озаглавивая свой труд «Некоторые особенности творчества Баженова и Казакова», автор предупреждает читателя о том, что труд этот не носит характера исчерпывающей монографии, а посвящен лишь определенной части проблем, связанных с этой темой. Этот выбор, однако, обусловлен не случайным наличием материала или авторским произволом, а сознательно направлен к выявлению центральной проблемы, которую автор поставил перед собой, — именно анализу творческого метода обоих выдающихся мастеров. Работа Е. Г. Чернова должна рассматриваться и оцениваться прежде всего как исследование метода архитектурного творчества Баженова и Казакова.

Автор разбивает свое исследование на четыре главы: первая глава посвящена ранним работам обоих зодчих (проект Екатерингофского дворца и Смольного института В. И. Баженова, тверское строительство и усадьба Рай-Семеновское — М. Ф. Казакова); во второй главе рассматриваются два капитальных произведения — баженовский проект перестройки Московского Кремля и казаковское здание Московского Сената; третья глава целиком посвящена работам Казакова — его усадьбам, особнякам, Голицынской больнице; наконец,

четвертая глава носит специальный характер: в ней автор пытается на основе общей характеристики творчества Баженова и детального анализа «дома Пашкова» (ныне старое здание Ленинской библиотеки) выяснить авторскую атрибуцию этого сооружения. В «Заключении» даются в сжатой форме выводы из всего исследования.

Как видим, план диссертации сугубо конкретен, — почти весь обширный текст занят разбором, описанием, анализом конкретных произведений, и все выводы общего порядка делаются на основе рассмотрения реальных фактов — реальных сооружений и архитектурных проектов. Это обстоятельство само по себе выгодно рекомендует работу диссертанта, пытающегося понять и изучить творческий метод архитектора на основе самого архитектурного произведения, его содержания, его структуры, его образного языка.

Автор посвятил свой труд двум зодчим. Сочетание этих двух имен в одном исследовании вполне правомерно. Автор сумел правильно осветить взаимоотношения Баженова и Казакова и «взаимодействие» их творчества в истории русской архитектуры XVIII столетия. Одно из достоинств диссертации — установление правильного взгляда на этот вопрос. Казаков вовсе не «ученик» Баженова, как это весьма часто и совершенно ошибочно представляется в литературе и в распространенных суждениях. Не принадлежали они и к одной «школе», в узком смысле этого слова. Тем не менее их творческие взаимоотношения сложились так, что в целом ряде случаев приходится одновременно говорить и о Баженове и о Казакове. Автор подошел к этой сложной теме с единственно правильной

точки зрения: с точки зрения взаимовлияний обоих мастеров друг на друга, и в диссертации убедительно показано, как этот строго взаимный характер творческого содружества оплодотворял мысль обоих выдающихся зодчих.

В диссертации отчетливо акцентируется положение о глубоко самостоятельных истоках творчества Баженова и Казакова и о национальном характере русского архитектурного классицизма. Не во всех частях исследования и не во всех отдельных вопросах автор выдвигает достаточно яркие подтверждения этого положения, однако эта мысль проведена в общем последовательно и верно. В свете этого исходного положения роль Баженова и Казакова в становлении новой русской архитектуры выступает особенно рельефно, как роль подлинных зачинателей мощного архитектурного движения. Автор правильно отмечает, что рядом с этими великими основоположниками стиля даже такие крупнейшие мастера, как Кваренги и Камерон, были, в историко-архитектурном смысле, только талантливыми попутчиками. Следует пожалеть, что автор сравнительно мало опирается на теоретические высказывания Баженова, — они значительно углубили бы рассмотрение вопроса о национальных основах русского классицизма.

Свой анализ творчества обоих зодчих автор производит весьма обстоятельно. Читатель получает полное представление об общем замысле, о генеральном плане здания и его окружении, об основных композиционных приемах, внутренней планировке, архитектурных деталях. Особое внимание уделено пропорциям и пропорциональной связи отдельных элементов здания — в фасаде и

¹ Е. Г. Чернов. Некоторые особенности творчества Баженова и Казакова (диссертация). Защита диссертации состоялась 7 февраля 1947 г. на заседании Ученого Совета Академии Архитектуры СССР.

в объеме. Многочисленные аналитические выкладки говорят о способах применения модульных схем и классических пропорций в композициях обоих зодчих, причем попутно приводятся многочисленные примеры, свидетельствующие о выражении модуля в русских мерах длины. Характер пропорционирования, свойственный произведениям Баженова и Казакова, позволяет автору сделать вывод о глубокой внутренней связи обоих мастеров и с наследством классической архитектуры античности, и с традициями древнерусского зодчества. Большая работа, проделанная автором, заслуживает положительной оценки, хотя в ряде случаев собственно пропорциональный анализ отодвигает на задний план другие стороны композиции и тем самым придает преувеличенное значение пропорционированию в ряду основных приемов построения архитектурного организма; впрочем, эта черта исследования — преувеличенное внимание к пропорциям за счет анализа других композиционных методов, собственно архитектурных мотивов и образных средств — лишь отражает общее увлечение пропорциональными схемами, свойственное большинству молодых московских исследователей архитектуры, увлечение, которому отдал дань и диссертант.

Быть может, из этой особенности архитектурных анализов, произведенных автором, — или же из иных причин, — проистекает один из недостатков труда, особенно в части, касающейся творчества М. Ф. Казакова.

Автор рассматривает композиционный метод зодчего и весь арсенал его творческих приемов вне зависимости от творческой работы мастера над созданием новых типов сооружений. Посвящая целую обширную главу усадьбам, городским усадьбам и особнякам Казакова, автор, однако, не раскрывает картины формирования основных типов городского и загородного дома, над которыми работал Казаков. Между тем историческая роль этого зодчего заключается прежде всего в этом. Именно Казаков сумел глубоко самостоятельно подойти к столь сильному в его время палладианскому направлению, создавшему классический тип дома-блока, и к французским образцам с их типом дома «между двором и садом». В казаковских типах городской усадьбы есть и элемент палладианского блока и черты французского дома, но все они подчинены совершенно новому, русскому типу дома «покоем». Многочисленные и разнообразные варианты этого основного типа были созданы Казаковым в Москве, — он показал удивительную гибкость этого планового и композиционного решения и в то же время наделил этот тип ярко самостоятельным, национальным архитектурным обликом.

К сожалению, автор, направив свое внимание на анализ пропорций, характеризует самое строение жилых домов Казакова — их расположение на участке, композицию основных объемов, наконец, план и интерьер дома — в слишком общих, расплывчатых чертах. Так, на стр. 320 читаем, что проекты Казакова «продуманы с учетом всех бытовых, функциональных и художественных и строительных требований генеральные планы, планы этажей, фасады и разрезы...». Далее, на стр. 338: «В постройке московских особняков Казаков, исходя из архитектурного образа усадебного

комплекса, применяет последовательно преимущественно пятичленное построение — главный дом, два флигеля по бокам и пространство между ними, заполненное оградой с воротами...» Все это верно, но все эти определения, равно как и подробные описания домов Разумовского, Губина, Долгорукова и даже Голицынской больницы, приведенные автором, не дают ответа на существеннейший историко-архитектурный вопрос: какие самостоятельные и притом новаторские начала внес Казаков в концепцию палладианского дома, с одной стороны, и во французскую схему, с другой, и в чем конкретно состоит третий, нас интересующий архитектурный тип — тип не палладианского и не французского, а русского дома XVIII века?

Этот вопрос непосредственно сопрягается и с другой специфически казаковской темой — с вопросом о типе ротонды, столь излюбленной нашим мастером. Диссертант сделал ряд интересных наблюдений над общим характером, техникой и пропорциями казаковских купольных перекрытий. Но ротонда как целостный архитектурный мотив осталась вне поля зрения автора. Конечно, автор имел формальное основание вовсе не касаться этой темы в работе, трактующей только «некоторые черты творчества Казакова». Но дело заключается в том, что ротонда у Казакова — не только специфический тип культового здания, но и важнейший элемент построения зданий самых различных типов и характеров (круглый зал московского Сената, центральный корпус Голицынской больницы). И здесь Казаков с замечательной свободой трактует палладианскую схему «круглого зала в центричном блоке», создавая совершенно новое для XVIII века пространственное решение. Очень ценные сведения, сообщаемые диссертантом о купольных залах Казакова, приобретают характер фрагментарных наблюдений вследствие того, что отсутствует стержневая постановка проблемы о ротонде как архитектурном типе.

Другое замечание следует сделать по поводу трактовки творчества Баженова. Опять-таки нельзя отрицать права диссертанта на свободу выбора тех или иных произведений зодчего в исследовании, не носящем характера исчерпывающей монографии. Но если круг работ Казакова в общем взят автором достаточно широко, а самый размах деятельности этого мастера дает разнообразный и обширный материал исследователю, то с Баженовым дело обстоит совершенно иначе. Общеизвестна исключительная скудость баженовского наследства «в натуре» — в осуществленных постройках. Среди этих последних центральное место во всех отношениях занимает Царицынский ансамбль. Говорить даже о «некоторых чертах» творчества Баженова, не говоря ничего о Царицыне, — это значит исключить из творчества мастера его главное произведение. Правда, диссертант несколько раз оговаривает то обстоятельство, что произведения в духе так называемой псевдоготики сознательно не затронуты в его труде. Но одно дело «псевдоготика» Казакова — его Петровский дворец и те же царицынские постройки, и совсем другое дело — Царицыне Баженова, где сказались самые сокровенные, самые существенные черты архитектурного credo зодчего. Нельзя составить ясного представ-

ления даже о «некоторых» чертах баженовской архитектуры, если оперировать лишь Екатерингофским дворцом, Смольным институтом и даже проектом перестройки Кремля. Диссертант очень вдумчиво отнесся к труднейшему баженовскому наследию, он смело и верно подошел к Баженову как к строителю, но эта серьезная работа в известной своей части повисает в воздухе из-за двух особенностей этой части исследования Е. Г. Чернова: из-за недостаточного внимания к миру идей Баженова, к его историко-архитектурным и эстетическим воззрениям, с одной стороны, и из-за полного игнорирования царицынского строительства, с другой.

Наше третье замечание общего порядка относится к самому построению диссертационного текста. Отметим прежде всего, как большое достоинство труда, отличный литературный язык, составляющий привлекательную черту работы. Возражение вызывает иная сторона дела — метод цитирования источников и их место в труде автора. Здесь надо решительно оспорить практику автора, который включает все многочисленные и иногда очень пространственные цитаты в самый текст. Автор цитирует в изобилии самые разнообразные работы — и солидные исследования, и случайные мелкие статьи, и серьезных, и случайных авторов, цитирует не критически, сплошь и рядом не выражая своего мнения по существу цитаты или как бы молчаливо к ней присоединяясь. Автор почти не полемизирует с цитированным источником, в ряде случаев «принимает на веру» то, что сказано в цитате, тем самым создавая впечатление неопределенности у читателя. Подобный метод цитирования следует признать ошибочным и по форме (ибо научно-исследовательский труд требует хорошо организованного аппарата ссылок, а не загромождения текста цитатами) и по существу (ибо читатель хочет знать прежде всего точку зрения самого автора, а не цитируемого источника).

Это замечание следует продолжить и в отношении библиографии, приложенной к тексту. Обширный перечень (461 название!) свидетельствует об эрудиции автора (доказанной, впрочем, и самим исследованием) и широком знакомстве с литературой предмета. Но в библиографии не проведено никакого различия между работами, упоминаемыми в тексте или использованными автором, и всеми прочими работами. Вследствие этого библиография оказалась по существу не связанной с текстом, а представляющей лишь обособленное приложение к нему, имеющее лишь справочное значение.

Весьма важная IV глава труда посвящена проблеме атрибуции дома бывш. Пашкова. В этой главе дан ряд оригинальных и остроумных сопоставлений и наблюдений. В частности, интересно привлечение материала о прежних застройках холма, на котором впоследствии был воздвигнут дом Пашкова, о связи этой постройки XVIII века с ранними постройками. На основе сопоставления архитектурных особенностей Пашкова дома с особенностями других построек автор стремится доказать принадлежность Пашкова дома к творчеству Баженова. Некоторые аргументы автора повторяют то, что было в свое время высказано В. Згурой, не-

которые дополнительные доводы носят вполне самостоятельный характер. Однако аргументация диссертанта страдает двумя недостатками.

Во-первых, диссертант обязан был, защищая тезис «Баженов-автор», подвергнуть развернутой критике диаметрально противоположную точку зрения И. Э. Грабаря, высказанную им в его новейшей статье о Казакове (1938 г.). Ведь Грабарь приводит в этой статье решительное возражение не только против атрибуции Пашкова дома Баженову, — он оспаривает также и авторство этого зодчего в отношении дома Прозоровского. А ведь на аналогиях с домом Прозоровского покоится часть доводов Е. Г. Чернова в пользу Баженова как автора Пашкова дома. Как же можно обойтись в данном случае без полемики с этой концепцией, кардинально противоречащей выводам диссертанта? Между тем диссертант по существу обходит этот вопрос, хотя в его библиографии упоминается и название работы И. Э. Грабаря.

В итоге, соображения автора все же не проливают света на все еще не разгаданную проблему авторства замеча-

тельного московского сооружения. Не желая предрешать вопрос, заметим, что замечание И. Э. Грабаря: «Никогда никто не найдет единственного автора Пашкова дома, как не найдет единственного автора готических соборов или соборов Флорентийского и Петра» — представляется весьма близким к истине.

Сказанным мы не хотели бы преуменьшить ценность той части диссертации, которая посвящена Пашкову дому. Независимо от разрешения проблемы атрибуции, автор дал интересный материал для изучения этого здания, — материал в значительной части вполне оригинальный.

Следует отметить некоторую неопределенность точек зрения автора на ряд им же самим выдвигаемых вопросов. Эта неопределенность тесно связана с упомянутым ошибочным методом цитирования и нежеланием диссертанта прибегать к полемике с цитируемым автором. Получается в ряде случаев, что диссертант не то присоединяется к мнению цитируемого автора, не то воздерживается от выражения своего мнения. Так, по вопросу об учебе Баженова в «команде» Д. В. Ухтомского остается в

конце концов совершенно неясным, учился Баженов у Ухтомского или не учился (стр. 32 сл.); та же неопределенность по вопросу о круге собственных работ Казакова в Твери (стр. 95 сл.) и др.

Работа Е. Г. Чернова — обстоятельное историко-архитектурное исследование, основанное на большой самостоятельной научной работе и отличающееся зрелостью мысли и прекрасным знанием предмета. Автор подошел к своей теме очень широко, сумев понять влияние архитектуры в свете жизни общества и страны, он придал своему исследованию характер всестороннего анализа конкретных произведений, обнаружив целый ряд особенностей творчества двух великих русских зодчих, — особенностей, не освещенных ранее в литературе. Работа Е. Г. Чернова — плод большого труда, обличающего в авторе вполне зрелого, самостоятельно мыслящего исследователя.

Проф. Д. Аркин

АРХИТЕКТУРА И КНИГА

ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ АЗЕРБАЙДЖАНА

Управление по Делах Архитектуры при Совете Министров Азербайджанской ССР. Памятники архитектуры Азербайджана. Сборник материалов. Государственное Архитектурное Издательство, Москва—Баку, 1946, стр. 228.

Среди появившихся за последнее время книг, посвященных изучению архитектурных памятников наших национальных республик, хочется отметить сборник материалов «Памятники архитектуры Азербайджана».

Сборник выпущен в свет Управлением по Делах Архитектуры при Совете Министров Азербайджанской ССР, которое уведомляет читателя, что за первым сборником должны последовать и другие, «в которых будут систематически освещаться работы по обмерам, вопросы теории и истории архитектуры, а также вопросы охраны, реставрации и консервации архитектурных памятников Азербайджана».

Всего в сборнике одиннадцать статей. Из них одна, С. Б. Ашурбейли «Об истории сураханского храма огнепоклонников», чисто исторического характера, без архитектурного анализа этого памятника, а другая, директора Музея Истории Азербайджана В. Н. Левиатова «О раскопках на территории дворца Ширваншаха в Баку», — археологического характера. Обе статьи написаны со знанием дела, хорошими специалистами в своей области. Остальные девять статей имеют непосредственное отношение к архитектуре и написаны на основе тщательных обме-

ров, осуществленных самими авторами. Каждая из них обильно иллюстрирована и заключает в себе добросовестное изложение результатов обмера. В большинстве случаев авторы статей в ограничиваются только протокольным описанием и характеристикой памятника, но и пытаются дать некоторые выводы.

Большой интерес представляет статья четырех авторов — Бретаницкого, Датиева, Мамиконова, Мотиса — «Дом Шекихановых и его росписи», снабженная обильнее всех других и научным аппаратом. Авторы заинтересовались «не освещенным до сих пор в научной литературе вопросом — отражением образов героев поэм Низами в монументальной живописи Азербайджана».

Проанализировав убранство интерьера дома Шекихановых, чрезвычайно интересного памятника XVIII века, современника дворца Шекинских ханов в Нухе, авторы пришли к следующим выводам: «Колорит росписи дома Шекихановых, тщательная отделка деталей, прорисовка узоров тканей, покроя костюмов, передача светотеней в складках и изгибах одежды, моделировка лиц, уверенность штриха — все это, при параллельном рассмотрении с другими образцами росписи этого времени, свидетельствует об известном своеобразии, связанном, очевидно, с местными традициями, но уже не свободном от преломленного влияния западно-европейской живописи».

«Наиболее ценно в рассматриваемой живописи отсутствие обезличенности персонажей», а также «интересна по-

пытка создать эпический образ героя поэмы Низами с передачей его внутренних переживаний».

Несомненный интерес представляет также статья А. В. Саркисова и М. Н. Иманова «Некоторые типы народного жилья Кубинского и Кусарского районов». Авторы справились с задачей выяснения характерных особенностей архитектуры строений этих районов. Они констатируют наличие в этих районах по крайней мере четырех типов жилищ, связанных между собой некоторыми общими чертами. Статья хорошо иллюстрирована снимками. Недостатком статьи является то, что молодые авторы, правильно характеризую жилище Кубинского и Кусарского районов, не сумели сделать напрашивающихся сопоставлений с другими видами жилищ и строительных конструкций, характерных для того или иного района Азербайджанской ССР. По их словам, они себе такой задачи и не ставили. А между тем сравнение с другими нагорными и предгорными районами (вроде Нухинского, да и Малого Кавказа) могло бы помочь авторам углубить свои выводы.

Положительной оценки заслуживает также статья Т. Я. Шаринского и И. Л. Вартанесова «Усыпальница сеида Яхья Бакуви в комплексе Бакинского дворца Ширваншахов». Основанная на тщательных обмерах, произведенных впервые, статья дает исчерпывающую характеристику и описание этого замечательного памятника архитектуры XV века.

В заключение авторы пытаются сопоставить его с другими азербайджан-

скими мавзолеями подобного же типа. Основной недостаток этой статьи, как и предыдущей, — отсутствие более глубокого анализа и широких обобщений. Если бы авторы привлекли к делу материалы о среднеазиатских мавзолеях, хотя бы Шейх-Шерф или Фахр-ад-дина-Рази в Куя-Ургенче, Кумы, Радиана, или ряд иранских и армянских мавзолеев, то архитектурно-историческое значение наших азербайджанских мавзолеев типа «Дервиша» было бы научно обосновано.

Статья М. А. Усейнова и С. А. Дадашева «Ханский дворец в Баку» на самом деле трактует не дворец, а планировку всего комплекса зданий, объединяемых в общежитии под названием «Ханский дворец». Статья ставит ряд вопросов, но ответа на них пока не дает. Очевидно, она — только вступление, отрывок из большого труда, назначение которого как бы «открыть» «Сборник материалов».

Большой интерес представляет статья покойного художника П. Е. Пукалова «Орнаменты комплекса зданий дворца Ширваншахов в Баку». Автор сделал попытку проанализировать композицию орнаментов на порталах «Усыпальницы» и «Диван-хана».

Опираясь на многочисленные, четко и хорошо выполненные иллюстрации, автор вскрывает простые первичные элементы орнамента и их развитие, выявляя перед читателем истинную его природу. В результате этого насыщенность орнамента (например, дверного проема входа в «Диван-хана») становится не капризом художника: она диктуется местом расположения, удаленностью от зрителя и масштабностью этого орнамента. Не забывает автор подчеркнуть и связь орнамента с архитектурой здания, с которой он должен составлять неразрывное целое, помогая раскрыть образ всего здания.

П. Е. Пукалов внес ценный вклад в исследование комплекса «Ханского дворца».

Вопросам охраны, реставрации и консервации архитектурных памятников Азербайджана посвящены в сборнике заметка арх. А. А. Али-Заде «Об укрепительных работах в гор. Барда» и статья арх. Г. М. Скубченко «К вопросу о состоянии Ханского дворца в гор. Нухе».

В этой последней статье попутно высказаны предположения о времени постройки дворца и его первоначальном облике.

По мнению Г. М. Скубченко, дворец был сначала одноэтажным, и лишь впоследствии был выстроен второй этаж. Когда это случилось, неизвестно. Вообще в этом вопросе автор не свел концы с концами. Так, на стр. 69 говорится (кстати, в полном соответствии с новейшими изысканиями), что «дворец бывших нухинских (шекинских) ханов был построен Мамед-Гасан-ханом в конце XVIII столетия», а на стр. 79 высказывается предположение, что «одноэтажный дворец был выстроен в 1730 или 1765 году». Явное противоречие! Правда, в данном случае автор говорит «об одноэтажном дворце», который будто бы достраивался в «остальные» (какие? — П. Ф.) годы, но

ведь тогда пришлось бы притти к выводу, что дворец строился 65 лет (с 1730 по 1795 год), а это противоречит всем имеющимся свидетельствам.

Трудно согласиться и с версией о первоначальной одноэтажности дворца. Аргументы Г. М. Скубченко в пользу этого утверждения основаны не на точной документации, а на некоторых собственных более или менее остроумных догадках о «неувязках» между верхним и нижним этажами, о различной кладке, о нависании кладки углов во втором этаже и т. п. Кстати, если, по мысли автора, дворец раньше был одноэтажным, то почему же он не «примыслил» к нему и перекрытие, которое необходимо было снять при постройке второго этажа? Между тем, мы не знаем одноэтажных дворцов ни в Тавризе, ни в Ереване (разрушенный Сардарский дворец), ни в Шуше, ни в той же Нухе (дом Шекинских ханов).

Вопрос о дворце Шекинских ханов в Нухе (включая и его историю) всесторонне освещен в хорошей монографии архитектора Л. С. Бретаницкого¹.

В общем, нужно приветствовать выход в свет первого «Сборника материалов» о памятниках архитектуры Азербайджана. Его достоинства значительны. Хотелось бы высказать пожелание, чтобы в следующих выпусках редакция более систематизированно подбирала материал; желательно также улучшить полиграфическое оформление сборников.

Проф. П. Фридолин

СПРАВОЧНИК АРХИТЕКТОРА
Том VIII. Конструкции гражданских зданий. Редактор-составитель проф. Н. С. Дюрнбаум. Изд-во Академии Архитектуры СССР. М., 1946, 677 стр., цена 42 р. в переплете.

Просматривая данный том «Справочника архитектора», прежде всего нужно отметить широкий охват вопросов, связанных с конструированием зданий, насыщенность справочными данными, продуманную, удачную компоновку материала и хорошие иллюстрации. Все это позволяет предсказать ему широкое практическое применение и большой успех у проектантов.

В нем охвачены все вопросы, с которыми приходится встречаться при конструктивной разработке проектов зданий.

Глава I содержит нормативные данные и указания по проектированию деревянных, стальных, бетонных, железобетонных и каменных конструкций; глава II посвящена основаниям и фундаментам, а последующие главы, начиная с III и кончая XI, — основным элементам зданий: стенам, перекрытиям, лестницам и т. д. В каждой главе даются основные сведения, необходимые при проектировании. В книге множество таблиц с данными, собранными из разнообразных источников. Проектировщик, имеющий на руках этот справочник,

¹ Дворец Шекинских ханов в Нухе как памятник архитектуры Азербайджана XVIII века. Научный архив Института Истории Академии Наук Азербайджанской ССР.

освобождается от затруднительных операций по отысканию справочных данных, разбросанных по разным пособиям, которые к тому же являются нередко библиографической редкостью. По полноте материалов «Справочник» — наиболее совершенное пособие по данному профилю (проектирование жилых и общественных зданий) из всех, выпущенных у нас до сего времени. Следует отметить также наличие примеров статических расчетов конструкций и пользования графиками, что нельзя не признать очень полезным для практического руководства.

Несмотря на обилие справочных данных, содержание книги отнюдь не носит характера механической компоновки таблиц, нормативных указаний, выдержек из технических условий и пр. В «Справочнике» чувствуется единая рука составителя-редактора, чего часто недостает в коллективных руководствах. В каждом разделе логически развивается текстуальная основная тема (хотя и в очень лаконичной форме), сопровождается фактическими и нормативными данными и иллюстрациями.

Изобразительные качества иллюстраций, за малыми исключениями, на высоком уровне. Несмотря на небольшой формат книги и значительную насыщенность страниц, отведенных под иллюстративные материалы, ими можно пользоваться как альбомными чертежами при конструктивной разработке проектов. Для надписей на рисунках подобран хорошо читаемый и единообразный шрифт.

Из недостатков книги можно отметить следующие. В некоторых своих разделах она содержит устаревший материал. Это не означает, что в ней имеются какие-либо архаические конструкции, — отнюдь нет: в основу положены материалы последних лет нашей проектной и строительной практики, но в некоторых случаях в «Справочнике» не получили отражения новые нормативные положения и конструктивные разработки, уже имеющие практическое применение. Этот недостаток книги в значительной степени объясняется «быстротечностью» наших норм. Ученье все изменения в таком большом руководстве, разработка которого начата в 1942 году, конечно, трудно.

В качестве недостатка можно указать и на большой объем выпуска, принимая во внимание, что он не является самостоятельным справочником, а лишь составной частью такового. Кое-что можно было бы сократить: так, чрезмерно большой объем отведен теме «Основания» (вообще этот раздел нам показался менее удачным, чем остальные). В некоторых случаях приведены конструкции, не имеющие актуального значения, — их можно было бы исключить. Надписи на рисунках, в общем очень четкие, имеют иногда неудачные сокращения. Впрочем, это единичные случаи.

В общем «Справочник архитектора» является ценным справочным пособием, которое должно найти широкое практическое применение.

Проф. П. Ю. Савицкий

ПАМЯТИ С. А. ДАДАШЕВА

24 декабря 1946 года в расцвете творческих сил скончался крупнейший архитектор Азербайджана, член-корреспондент Академии Архитектуры СССР и действительный член Азербайджанской Академии Наук Садых Алекперович Дадашев.

С. Дадашев родился в 1905 году в г. Баку. В 1925 году он окончил Азербайджанский политехнический институт и получил звание архитектора.

Архитектурная деятельность Садыха Дадашева осуществлялась еще со студенческих лет совместно с архитектором М. Усейновым. С течением времени их совместная работа приобрела характер постоянного, длившегося до самой смерти Дадашева, творческого содружества. За этот период ими было выполнено большое количество проектов общественных и жилых зданий для города Баку. Многие проекты были премированы и осуществлены в натуре.

Из наиболее значительных работ покойного (совместно с М. Усейновым) следует отметить: проект памятника азербайджанскому поэту Низами (1926 г.), проект Дворца Советов в Баку (1934 г.), общежитие медицинского института, Центральный кинотеатр, Дом Наркомата пищевой промышленности и ряд жилых домов в городе Баку.

На 1-й Всесоюзной выставке работ молодых архитекторов в Москве (1939 г.) работы С. Дадашева получили первую премию. Всеобщее признание получил сооруженный по проекту С. Дадашева и М. Усейнова павильон Азербайджанской ССР на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке (1939 г.). За эту работу авторам была присуждена в 1941

году Сталинская премия II степени, и они были награждены орденами Трудового Красного Знамени.

Наряду с практической архитектурной деятельностью покойный вел также большую педагогическую и научную работу. С 1940 года он руководил кафедрой архитектурного проектирования в Азербайджанском индустриальном институте. В 1942 году он был утвержден в звании профессора архитектуры.

Еще в студенческие годы С. Дадашев вел работу по обмерам памятников азербайджанской архитектуры. Им изучен и обмерен известный памятник архитектуры старого Баку «Ханское судилище». Впоследствии (1938 г.) С. Дадашевым и М. Усейновым была подготовлена к печати и издана Академией Архитектуры монография «Памятники архитектуры Азербайджана в Баку» (по обмерам с натуры). В 1940 году С. Дадашеву было присуждено звание заслуженного деятеля искусств Азербайджанской ССР. С. Дадашев был членом правления Всесоюзного и Азербайджанского союза советских архитекторов. С 1943 года он возглавлял Управление по делам архитектуры при Совете Министров Азербайджанской республики.

Архитектурная общественность Советской страны с глубокой печалью восприняла весть о смерти одного из крупных советских архитекторов, умело сочетавшего в своих произведениях традиции старинного национального зодчества Азербайджана с требованиями советской эпохи.

1947 г.
Акт № 779
Вкладн. л.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Градостроительная основа советской архитектуры . . .	1
ВОПРОСЫ ЖИЛИЩНОЙ АРХИТЕКТУРЫ	
В. Гальперин Малоэтажное жилое строительство	3
И. Блохин, член-корр. Академии Архитектуры СССР Архитектура малоэтажных жилых домов в пригородах Таллина	6
К. Афанасьев Три проекта жилых домов в Москве	9
ВОССТАНОВЛЕНИЕ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ГОРОДОВ	
А. Мостаков Восстановление Сталинграда	15
А. Пожарский Жилые кварталы в центре Сталинграда	20
Н. Былинкин, член-корр. Академии Архитектуры СССР Стадион в Сталинграде	22
Л. Руднев, действительный член Академии Архитектуры СССР, и И. Ткаченко Центр будущего Воронежа	28
ТВОРЧЕСКИЕ ДОСТИЖЕНИЯ СОВЕТСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ	
Ю. Яралов Дом правительства Армянской ССР в Ереване	31
ЗА РУБЕЖОМ	
Виктор Марецкий Возрождение Варшавы	36
АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО	
А. Габричевский, член-корр. Академии Архитектуры СССР Фиджио Брунеллеско	40
Г. Ощепков Неизвестный портрет Томона	43
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Д. Аркин, член-корр. Академии Архитектуры СССР Диссертация о творчестве Баженова и Казакова	44
АРХИТЕКТУРА И КНИГА	
Рецензии проф. П. Фридолина и проф. П. Савицкого	46
<u>Памяти С. А. Дадашева</u>	48

Отв. редактор **К. С. АЛАБЯН**

Зам. отв. редактора **Д. Е. АРКИН**

Технич. редактор **Е. А. Смирнова**.

Корректор **С. Д. Локшина**

Сдано в набор 10/1 1947 г. Подписано к печати 17/VI 1947 г. А 02505. Формат бумаги 60 × 92¹/₈ 6 п. л. Изд. № 617

Цена 10 руб.

Тираж 5000 экз.

Зак. № 57

Типография Издательства Академии Архитектуры СССР. Москва, улица Чехова, д. 8.

6255

ЦЕНА 10 руб.

П 32
5

**АРХИТЕКТУРА
С С С Р**

**СБОРНИКИ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ АРХИТЕКТОРОВ**

РЕДАКЦИЯ:

МОСКВА, ГРАНАТНЫЙ ПЕР., 7